

17.126.2.1/50

Ю Ж Н А Я
Универсальная Библиотека
Подъ редакціей СЕМЕНА ЮШКЕВИЧА.

Ив. А. Бунинъ.

Ночной разговоръ

Цѣна 5 руб.

Одесса.

№ 50.

1919 г.

20/21
1/376

Южная Универсальная Библиотека.

Готовятся къ печати и вскорѣ выйдутъ въ свѣтъ:

Семень Юшкевичъ—Наши сестры.

Пьеръ Лоти—Хризантема.

17.136.2.17/50
Ив. А. Бунинъ.

Ночной разговоръ

книгоиздательство
„Южная универсальная библиотека“
Одесса.

О Д Е С С А.
Тип. «Спортъ и Наука», Екатерининская, 25.
1919.

Ночной разговоръ.

I.

Небо всю ночь было серебристо-звѣдно, поле за садомъ и гумномъ темнѣло ровно, и на чистомъ горизонтѣ четко чернѣла мельница съ двумя рогами крыльевъ. Но звѣзды искрились, трепетали, часто прорѣзывали небо зеленоватыми полосками, садъ шумѣлъ порывисто и уже по-осеннему, холодно. Отъ мельницы, съ пологой равнины, съ опустѣвшаго жнивья дулъ сильный вѣтеръ.

Работники сытно поужинали, — былъ праздникъ, Успенье, — и жадно накурились по дорогѣ черезъ садъ на гумно. Накинувъ сверхъ полушубковъ армяки, они шли туда спать, стеречь хлѣбные вороха. За работниками, таща подушку, шелъ высокій гимназистъ, хозяйскій сынъ, и бѣжали три борзыхъ бѣлыхъ собаки. На гумнѣ, на свѣжемъ вѣтру, хорошо пахло мякиной, новой ржаной соломой. Всѣ уютно улеглись въ ней, въ самомъ большомъ ометѣ, поближе къ ворохамъ и ригѣ. Собаки повозились

пошуршали у ногъ работниковъ и тоже успокоились.

Надъ головами лежавшихъ слабо бѣлѣлъ широкій, раздваивающійся дымно-прозрачными рукавами Млечный Путь, наполненный висящей въ нихъ мелкой звѣздной розсыпью. Въ соломѣ было тепло и тихо. Но по лозняку, что темнѣлъ вдоль вала слѣва, то и дѣло тревожно шелъ и, разрастаясь, приближался глухимъ, непріязненнымъ шумомъ сѣверо-восточный вѣтеръ. Тогда до лицъ, до рукъ доходило прохладное дуновеніе вмѣстѣ съ дурнымъ запахомъ изъ проходовъ между ометами. А по небосклону, за неправильными черными пятнами лозняка, остро мелькали, вспыхивали льдистые алмазы, разноцвѣтными огнями загоралась Капелла.

Улегшись, позѣвали и закрыли глаза. Вѣтеръ дремотно шелестѣлъ торчавшей надъ головами колючей соломой. Но дошла до лицъ прохлада — и всѣ почувствовали, что спать еще не хочется, — выпались послѣ обѣда. Только одинъ гимназистъ изнемогалъ отъ сладкой жажды сна. Но ему заснуть не давали блохи. Онъ сталъ чесаться, раздумался о дѣвкахъ, о вдовѣ, съ которой онъ, при помощи работника Пашки, потерялъ въ это лѣто невинность, и тоже разгулялся.

Это былъ худой, неуклюжій подростокъ съ необыкновенно нѣжнымъ цвѣтомъ лица, такого бѣлаго, что даже загаръ не бралъ его, съ синими глазами, съ безобразно большими руками и ногами, съ большимъ кадыкомъ. Онъ все лѣто не разлучался съ работниками, — возилъ сперва навозъ, потомъ снопы, управлялъ ометы, курилъ махорку, подражалъ мужикамъ въ говорѣ и въ грубости съ дѣвками, которыя дружески поднимали его на смѣхъ, встрѣчали свистомъ и криками: «Веретѣнкинъ, Веретѣнкинъ!» — дурацкимъ прозвищемъ, придуманнымъ подавальщикомъ въ молотилку Иваномъ. Онъ ночевалъ то на гумнѣ, то въ конюшнѣ, по недѣлямъ не мѣнялъ бѣлья и парусиновой одежды, не снималъ дегтярыхъ сапогъ, сбилъ въ кровь ноги съ непривычки къ портянкамъ, оборвалъ всѣ пуговицы на лѣтней шинели, испачканной колесами и навозомъ, сломалъ серебряные листочки и буквы на картузѣ.

— Совсѣмъ отбился отъ дому! — съ ласковой грустью говорила о немъ мать, восхищаясь даже его недостатками. — Конечно, поправится, окрѣпнетъ, но посмотрите, какая лохматая чушка, даже шею не моетъ! — улыбаясь, говорила она гостямъ

и теребила его мягкія каштановыя лохмы, стараясь добраться до нѣжнаго завитка, кудрявившагося, какъ у дѣвочки, на его затылкѣ, на темной шеѣ, отдѣлявшейся отъ виднаго подъ косовороткой по-дѣтски бѣлаго тѣла, отъ большихъ позвонковъ подъ тонкой гладкой кожей. А онъ угрюмо вывертывалъ голову изъ-подъ ея ласковой руки, хмурился и краснѣлъ. Онъ росъ не по днямъ, а по часамъ и на ходу гнулся, задумчиво свисталъ, угловато вилялъ изъ стороны въ сторону. Онъ еще бѣлъ липовый цвѣтъ, вишневый клей, хотя уже тайкомъ; въ карманахъ его парусиновыхъ панталонъ еще много было крошекъ бѣлаго хлѣба, еще лежали перочинный ножъ и рогулька для стрѣльбы по воробьямъ. Еще зимой онъ игралъ съ сестрой, маленькой Лилей, въ краснокожихъ. Но весной, когда по всѣмъ улицамъ города текли и дрожали ослѣпительнымъ блескомъ ручьи, когда въ классахъ горѣли отъ солнца бѣлые подоконники, солнцемъ былъ пронизанъ голубой дымъ въ учительской, и директорская кошка подстерегала первыхъ зябликовъ въ гимназическомъ саду, еще полномъ серебрянаго снѣга,—весной онъ вообразилъ, что влюбился въ худенькую, маленькую, начитанную и серь-

езную гимназистку Юшкову, подружился съ шестикласникомъ въ очкахъ Симашко и рѣшилъ посвятить всѣ каникулы самообразованію. А лѣтомъ мечты о самообразованіи были уже забыты, было принято новое рѣшеніе—изучить народъ, вскорѣ перешедшее въ страстное увлеченіе мужиками.

Вечеромъ на Успенье гимназистъ былъ налить сномъ еще за ужиномъ. Къ концу каждаго дня, когда туманилась и на грудь падала голова,—отъ усталости, отъ разговоровъ съ работниками, отъ роли взрослого,—возвращалось дѣтство: хотѣлось поиграть съ Лилей, помечтать передъ сномъ о какихъ-нибудь дальнихъ и невѣдомыхъ странахъ, о необыкновенныхъ проявленіяхъ страсти и самопожертвованія, о жизни Ливингстона, Беккера, а не мужиковъ Наумова и Нефедова, прочитать которыхъ дано было Симашкѣ честное слово; хотѣлось хоть одну ночь переночевать дома и не вскакивать до солнца, на холодной утренней зарѣ, когда даже собаки такъ томно зѣваютъ и тянутся... Но вошла горничная, сказала, что работники уже пошли на гумно. Не слушая криковъ матери, гимназистъ накинулъ на плечи шинель съ мотающимся хлястикомъ и картузь на

голову, схватилъ изъ рукъ горничной подушку и въ аллеѣ нагналъ работниковъ. Онъ шелъ, шатаясь отъ дремоты, таща за уголь подушку, и, какъ только довалился до омета, подлѣзъ подъ старую еотовую шубу, лежавшую тамъ, такъ сейчасъ же и поплылъ, понесся куда-то въ сладкую черную тьму. Но огнемъ стали жечь мелкія собачьи блохи, стали переговариваться работники...

Ихъ было пятеро: добрый лохматый старикъ Хомутъ, Кирюшка, хромой, бѣлоглазый, безотвѣтный малый, предававшійся мальчишескому пороку, о чемъ всѣ знали и что заставляло Кирюшку быть еще безотвѣтнѣе, молча сносить всяческія насмѣшки надъ его короткой, согнутой въ колѣнѣ ногой, Пашка, красивый двадцатичетырехлѣтній мужикъ, недавно женившійся, Бедотъ, мужикъ пожилой, дальній, откуда-то изъ-подъ Лебедяни, прозванный Постнымъ, и очень глупый, но считавшій себя изумительно умнымъ и хитрымъ, безпощадно-насмѣшливымъ человѣкомъ Иванъ. Этотъ презиралъ всякую работу, кромѣ работъ на земледѣльческихъ машинахъ, носилъ синюю блузу и всѣмъ внушилъ, что онъ прирожденный машинистъ, хотя всѣ знали, что онъ ни бельмеса не смыслить въ

устройствѣ даже простой вѣялки. Этотъ все суживалъ свои сумрачно-ироническіе глазки и стягивалъ тонкіе губы, не выпускаая трубки изъ зубовъ, значительно молчалъ, когда же говорилъ, то только затѣмъ, что-бы убить кого-нибудь или что-нибудь замѣчаніемъ или прозвищемъ: онъ рѣшительно надо всѣмъ глумился — надъ умомъ и глупостью, надъ простотой и лукавствомъ, надъ уныніемъ и смѣхомъ, надъ Богомъ и собственной матерью, надъ господами и надъ мужиками; онъ давалъ прозвища нелѣпыя и непонятныя, но приносилъ ихъ съ такимъ загадочнымъ видомъ, что всѣмъ казалось, будто есть въ нихъ и смыслъ и ѣдкая мѣткость. Онъ и себя не щадилъ, и себя прозвалъ: «Рогожкинъ», — сказалъ онъ однажды про себя, такъ вѣско, такъ зло на что-то намекая, что всѣ покатались со смѣху, а потомъ уже и не звали его иначе, какъ Рогожкинъ. Окрестилъ онъ и гимназиста. Услыхавъ какъ-то, что гимназиста кличетъ съ крыльца Лиля, голубоглазая, въ голубомъ платьицѣ, въ панталонахъ съ зубчиками, наивно бѣлѣющими изъ-подъ оборки, — кличетъ, подпрыгивая и ловко попадая ножками въ обручъ: «Аля! Аля!» — Иванъ сказалъ нѣчто очень гнусное про Лилу, про

ея панталончики, а потомъ чепуху про гимназиста: Веретёнкинъ.

Всѣхъ этихъ людей гимназистъ, какъ онъ думалъ, хорошо узналъ за лѣто, ко всѣмъ по-разному привязался,—даже и къ Ивану, издѣвавшемуся надъ нимъ,—у всѣхъ тому или другому учился, воспринимая ихъ говоръ, совершенно, какъ оказалось, не похожій на говоръ мужиковъ книжныхъ, ихъ неожиданныя, нелѣпыя, но твердыя умозаключенія, однообразіе ихъ готовой мудрости, ихъ грубость и добродушіе, ихъ работоспособность и нелюбовь къ работѣ. И, уѣхавши послѣ каникулъ въ городъ, а на другое лѣто уже не вернувшись къ увлеченію мужицкой жизнью, онъ весь свой вѣкъ думалъ бы, что отлично изучилъ русскій народъ, — если бы случайно не завязался между работниками въ эту ночь длинный откровенный разговоръ.

Началъ старикъ, лежавшій рядомъ съ гимназистомъ и чесавшійся крѣпче всѣхъ.

— Ай, барчукъ, донимають?—спросилъ онъ.—Чистая бѣда эти блохи, хомутъ!—сказалъ онъ, употребляя слово, которымъ постоянно опредѣлялъ и всю жизнь свою и всю тяготу ея, всѣ непріятности.

—Мочи нѣтъ!—отозвался гимназистъ.—Вотъ бабъ, дѣвокъ, тѣхъ, провалиться имъ,

не трогаютъ. А ужъ кого бы, кажись, жиять, какъ не ихъ!

— Главная вещь, портокъ на нихъ не полагается,—равнодушно подтвердилъ старикъ, ворочаясь и издавая крѣпкій запахъ давно не мытаго тѣла и вытертаго зипуна, прокопченнаго курной избой.

Прочіе молчали. Обычно шутили передъ сномъ,—разспрашивали Пашку о его супружеской жизни, а онъ отвѣчалъ съ такимъ спокойнымъ и веселымъ безстыдствомъ, что даже гимназистъ постоянно восхищавшійся имъ, не сводившій глазъ съ его умнаго и живого лица, досадовалъ—какъ это можно говорить такъ о своей молодой женѣ. Теперь никто не начиналъ разспросовъ, и гимназистъ уже хотѣлъ было самъ начать ихъ, чтобъ еще болѣе взволновать свое воображеніе, навѣки отравленное вдовой, и послушать увѣренный голосъ Пашки, какъ Пашка потянулся, сѣлъ и сталъ завертывать цыгарку. Старикъ поднялъ голову въ шапкѣ и показлъ ея.

— Ой, спалишь ты, малый, гумно!—сказалъ онъ—Смотри. До грѣха не долго.

— А я на барчука солгусь,—отвѣтилъ Пашка, немного хрипя отъ простуды, и, откашлявшись, засмѣялся:—Онъ самъ по-

стоянно курить. Чудная ночь, барчук, сегодня,—сказалъ онъ, мѣняя тонъ на серьезный и оборачиваясь къ гимназисту.—Къ этой ночи что не достаетъ? Луну.

Чувствовалось, что онъ хочетъ рассказать что-то. И, правда, помолчавъ и не получивъ отвѣта, онъ вдругъ спросилъ:

— Барчукъ, вы спите? Который часъ теперь?

Гимназистъ поднялся, вытащилъ изъ кармана панталонъ серебряные часы и при свѣтѣ звѣздъ сталъ разглядывать ихъ.

— Половина одиннадцатаго, — сказалъ онъ, горбясь.

— Ну вотъ, такъ я и зналъ, — весело и увѣренно подтвердилъ Пашка, затиснувъ на-бокъ зубами крючокъ и закуривая отъ вонючаго сѣрника, загорѣвшагося въ его сложенныхъ ковшикомъ рукахъ.—Вѣрнѣй поповой души. Въ акурать въ это самое время я человѣка прошлый годъ убилъ.

И гимназистъ сразу разогнулся, опустилъ отяжелѣвшія руки—и точно окаменѣлъ на все время разговора. Онъ изрѣдка подавалъ голосъ, но такъ, точно другой кто говорилъ за него. Потомъ все внутри у него стало дрожать мелкой ледяной дрожью, позывая на отрывистый

нелѣпый смѣхъ, и огнемъ стало горѣть лицо.

II.

Иванъ, какъ всегда, значительно молчалъ. Кирюшка совсѣмъ не интересовался тѣмъ, что говорили, лежалъ и думалъ свое—о гармоніи, купить которую было его самой завѣтной мечтой. Долго молчалъ, лежа на локтѣ, и Федотъ, сильный, плоскій, рыжій мужикъ, въ началѣ лѣта казавшійся работникамъ чужимъ человѣкомъ по той причинѣ, что носилъ онъ полушубокъ безъ талии, безъ сборокъ, въ родѣ тѣхъ, что носятъ казанскіе татары. Чужимъ казался онъ и гимназисту. Насколько нравилось ему веселое спокойствіе, ладность ухватокъ, загорѣлое лицо Пашки, настолько же не располагало его къ близости лица Федота, тоже спокойное, но ничего не выражающее, большое, пепельно-сѣрое, морщинистое, съ жидкими и всегда мокрыми отъ слюней, отъ трубки усами, съ крупными отворотами бѣлесыхъ обвѣтренныхъ губъ. Федотъ слушалъ внимательно, но не вставлялъ въ разговоръ Пашки ни слова—только чахоточно покашливалъ и поплеывалъ въ соломѣ. И сперва поддерживали разговоръ только пораженный гимназистъ да старикъ.

— Что брешешь пустое,—равнодушно сказалъ старикъ, услыхавъ хвастливое заявленіе Пашки.—Какого такого человѣка могъ ты убить? Гдѣ?

— Глаза лопни, не брешу!—горячо отозвался Пашка, поварачиваясь къ старику.—Прошлый годъ убилъ, на Успенье. Объ этомъ не только что, объ этомъ во всѣхъ газетахъ писали, въ приказѣ по полку и то было.

— Да гдѣ убилъ-то?

— Да на Кавказѣ, въ Зухденахъ. Ей-Богу! Конечно, брехать не стану, не я одинъ убилъ, и Козловъ стрѣлялъ,—нашъ же елецкій,—эта благодарность не одному мнѣ была, дивизіи начальникъ, конечно, и ему спасибо сказалъ при всемъ фронтѣ и прямо же намъ по рублю наградилъ, но только я подлинно знаю, что это я его срубилъ.

— Кого его?—спросилъ гимназистъ.

— Да арестанта, грузинта этого.

— Стой,—перебилъ старикъ:—ты только разскажи. Гдѣ вы стояли?

— Опять двадцать пять,—притворно-досадливо сказалъ Пашка.—Вотъ чудакъ, не вѣрить ничему. Стояли мы въ этихъ, въ Новыхъ Сенякахъ...

— Знаю,—сказалъ старикъ. — И мы тамъ стояли восемнадцать день.

— Ну, вотъ видишь,—значить, я не пустое брешу и могу тебѣ все это приблизительно разсказать. Мы тамъ, братъ, не восемнадцать день, а цѣлый годъ и семь мѣсяцевъ стояли, а аростантовъ этихъ обязаны были до самыхъ до Зухденъ провождать. Арестанты эти были прямо что ни на есть самые главные преступники, бунтовщики, и, значить, всѣхъ ихъ, десять человѣкъ, въ горахъ поймали и къ намъ предоставили...

— Стой,—перебилъ гимназистъ, подражая старику и чувствуя, что у него леденеютъ руки:—а какъ же ты мнѣ говорилъ, что не сталъ бы бунтовщиковъ стрѣлять, а скорѣе офицера, какой будетъ приказывать стрѣлять, застрѣлишь?

— А я и отцу родному не спущу, когда надо,—отвѣтилъ Пашка, мелькомъ взглянувъ на гимназиста и опять оборачиваясь къ старику.—Я, можетъ, и пальцемъ бы его не тронулъ, кабы онъ не задумалъ погубить насъ, а онъ на хитрости пошелъ и могли мы за него цѣльный годъ въ арестанскихъ ротахъ пробить, а тутъ не только что,—благодарность получили, немножко поумнѣй его оказались. Ты вотъ

послушай,—сказалъ онъ, дѣлая видъ, что говорить только со старикомъ.—Мы ихъ честно-благородно вели. Озорства этого ничего съ ними не дѣлали, бить тамъ, на примѣръ, али прикладомъ подгонять... А одинъ, худой этакій, малорослый, въ родѣ какъ больной, все идетъ и на животъ жалится, до вѣтру все просится. Еле кандалами брянчить. Наконецъ того, подходитъ къ старшому: «Дозвольте на телѣгу лечь». Ну, ему и позволили какъ путному. Только приходимъ въ Зухдены. А ночь—хоть глазъ выколи и дождь холить. Посадили мы ихъ на крыльцо, стережемъ, у кажнаго, конечно, по фонарику въ рукѣ, а старшой въ камеру отлучился, рѣшетки въ окнахъ пощупать: цѣлы ли, молъ, не подпилены ли какой пилкой фальшивой...

—Обязательно,—сказалъ старикъ.—Онъ долженъ по закону все въ исправности принять.

— Про то и толкъ,—подтвердилъ Пашка, опять торопливо пряча зажженный сѣрникъ въ руки, сложенные ковшикомъ.— Вотъ ты это дѣло знаешь, тебѣ и рассказывать интересно. Ну, пошелъ старшой,—продолжалъ онъ, давая спичку и пуская въ ноздри дымъ:—пошелъ, осматриваетъ, а мы стоимъ, клюемъ рыбу, — спать мочи

нѣтъ какъ хочется, — а грузинтъ этотъ какъ вскочить вдругъ да за-уголъ! Онъ, понимаешь, значитъ, еще въ телѣгѣ все это дѣло какъ слѣдуетъ обдумалъ, разрѣзалъ чѣмъ ни на есть ремень кандалный округъ пояса, спустилъ кандалы съ себя, подхватилъ вотъ такъ-то рукой, — Пашка нагнулся и, разставляя ноги, показалъ, какъ подхватилъ арестантъ кандалы,—да и дѣру! А мы съ Козловымъ, не будь дураки, фонари покидали и—за нимъ: Козловъ себѣ за уголъ, а я прямо на перерѣзъ. Бѣгу, а самъ все норовлю поймать, гдѣ звукъ, гдѣ то-есть кандалы его звенятъ, — дуромъ то, думаю, и стрѣлять нечего,—на-слышалъ, наконецъ того,—разъ! Чую—мимо. Я въ другой—опять, слышу, мимо. А Козловъ лупить по чемъ ни попало, того гляди меня срѣжетъ... Взяло меня зло: ахъ, думаю, глаза твои лопни! — приложидся, вдарилъ: слава тебѣ, Господи, сорвался, слышу, звукъ, видно, упалъ. Выпустилъ еще два патрона въ энто мѣсто, бѣгу, а онъ и вотъ онъ, на земли на задѣ сидитъ. Сѣлъ, руками уперся въ грязь, зубы оскалилъ и храпитъ: «Скорѣй, говоритъ, скорѣй, русъ, вдарь меня въ это мѣсто штыкомъ»... въ грудь то есть. Я навѣсилъ съ разбѣгу

ружье—разъ ему въ самую душу... ажъ въ спину вскочилъ!

— Ловко!—сказалъ старикъ.—Дай-ка затянуться разокъ... Ну, а Козловъ-то гдѣ-жъ?

Пашка быстро, крѣпко затянулся и сунулъ старику окуркъ.

— А Козловъ,—отвѣтилъ онъ поспѣшно и весело, польщенный похвалой: — а Козловъ бѣжитъ и не судомъ кричитъ: «ай угомонилъ?»—Угомонилъ, говорю, давай тушку тащить... Взяли его сейчасъ за кандалы и поволокли назадъ, къ крыльцу... Я его какъ жожку срѣзалъ,—сказалъ онъ, мѣняя тонъ на болѣе спокойный и самодовольный.—А ты говоришь — брешу! Я, братъ, попусту брехать не стану.

Старикъ подумалъ.

— И по рублю, говоришь, наградишь васъ?

— Вѣрное слово,—отвѣтилъ Пашка,—прямо изъ своихъ рукъ далъ, при всемъ полномъ фронтѣ.

Старикъ, покачивая шапкой, плюнулъ въ ладонь и потушилъ въ слюнѣ окуркъ.

Иванъ не спѣша сказалъ сквозь зубы:

— А дураковъ, видно, и въ солдатахъ много.

— Это какъ же такъ? спросилъ Пашка.

— А такъ,—сказалъ Иванъ.—Клюй Матвѣй! Ты что долженъ былъ дѣлать? Ты долженъ былъ не волочъ его, а послать съ рапортомъ товарища, а самъ съ ружьемъ стать при мертвомъ тѣлу. Теперь расчухалъ ай нѣтъ?

III.

Оедотъ заговорилъ, когда всѣ помолчали и пробормотали: «да-а... ловко...»—еще проще.

— А вотъ я,—началъ онъ медлительно, лежа на локтѣ и поглядывая на темную, неподвижно торчавшую передъ нимъ на звѣздномъ небѣ фигуру гимназиста: — а вотъ я совсѣмъ задаромъ согрѣшилъ. Я человѣка убилъ, прямо надо сказать, изъ-за ничтожности: изъ-за козѣ своей.

— Какъ изъ-за козѣ?—въ одинъ голосъ перебили старикъ, Пашка и гимназистъ.

— Ей-Богу, правда,—отвѣтилъ Оедотъ.—Да вы вотъ послушайте, что за ядъ была эта коза...

Старикъ и Пашка опять стали закуривать и уминать солому, приготовляясь слушать. Хотѣлъ закурить и гимназистъ, но не двигались, не вынимались изъ кар-

мановъ ледяныя руки. А Оедоть серьезно и спокойно продолжалъ:

— Изъ-за ней вся и дѣло вышла. Убилъ-то, конечно, не нарокомъ... Онъ же меня первый избилъ... А потомъ пошла свара, судъ... Онъ пьяный пришелъ, а я выскочилъ сторяча, вдарилъ брусомъ... Да объ этомъ что говорить, я и такъ въ монастырь за него полгода отдежурилъ, а кабы не было этой козѣ, и ничего бы не было. Главная вещь, отроду ни у кого у насъ не водилось этихъ козъ, не мужицкое это дѣло, и обращенія съ ними мы не можемъ понимать, а тутъ еще и коза-то попалась лихая, игривая. Такая стерва была, не приведи Господи. Что борзая сучка, то она. Можетъ, я и не захотѣлъ бы ее приобрѣтать,— и такъ всѣ смѣялись, отговаривали,— да прямо нужда заставила. Угодій у насъ нѣту, простору и лѣсовъ никакихъ.. Прогону своего у насъ споконъ вѣку не было, а какая мелочная скотина, такъ она просто по парамъ питается. Крупную скотину, коровъ мы на барскій дворъ отдавали, а полагалось съ нашего брата, мужичка, за всю эту инструкцію двѣ десятины скосить-связать, двѣ десятины пару вспахать, три дни съ бабой на покосѣ отбыть, три дни на молотѣбѣ... Сосчитать,

сколько это будетъ?—сказалъ Оедоть, поворачивая голову къ старику.

Старикъ сочувственно подтвердилъ:

— Избавь Господь!

— А козу купить,—продолжалъ Оедоть:—ну, отъ силы семь, али, скажемъ, восемь цѣлковыхъ отдать, а въ напоръ она дастъ бутылки четыре, не менѣ, и молоко отъ ней гуще и слаже. Неудобство, конечно, отъ ней та, что съ овцами ее нельзя держать—бьетъ ихъ дюже, когда котна, а зачнетъ починать, злѣй собаки исдѣлается, зреть ихъ не можетъ. И такая цопкая скотина—это ей на избу залѣзть, на ракирку—ничего не стоитъ. Есть ракирка, такъ она ее безпремѣнно обдеретъ, всю шкурку съ ней спустить—это самая ея удовольствіе! На что бы лучше траву—такъ нѣтъ, не лопаешь...

— Ты же хотѣлъ разсказать, какъ чловѣкъ убилъ,—съ трудомъ выговорилъ гимназистъ, все глядя на Пашку, на его лицо, неясное въ звѣздномъ свѣтѣ, не вѣря, что этотъ самый Пашка—убійца, и представляя себѣ маленькаго мертваго грузина, котораго волокутъ за кандалы, по грязи, среди темной дождливой ночи, два солдата.

— Да а я-то про что-жъ?—отвѣтилъ

Федотъ грубовато и заговорилъ немного живѣе:—Ты не можешь этого дѣла понимать, ты своимъ домомъ жить-то еще не пробоваль, а за мамашей жить—это всякій проживеть. Я про то и говорю, что этакій грѣхъ прямо изъ-за пустого вышелъ. Я изъ-за ней трехъ овецъ зарѣзалъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ старику.—Девять съ полтиной за овецъ взялъ, а за нее восемь заплатилъ. Не дешево тоже обошлась... И опять же съ бабой пошли каждый день скандалы. Взялъ, говорю, пустое, восемь за козу отдалъ, ну, тамъ кой-чего для хозяйства купилъ, кой-какую вещь, ребятамъ свистулекъ набралъ, пошелъ домой, перъ, перъ, пришелъ къ утру—глядь, полтинника нѣту: сунулъ, значитъ, въ карманъ и поспѣялъ. Стала баба деньги считать—«гдѣ жъ, говоритъ, полтинникъ? проглотилъ? Говорила тебѣ, дураку, тушками продать, а овчины себѣ оставить...» Слово за слово... Такой скандалъ пошелъ, не приведи Господи! Она у меня такая, правду сказать, собака, во всей губернии поискать..

— Это своя допущенье,—дѣловито вставилъ Пашка.—Ихъ не бить, добра не видать.

— Понятная дѣло,—сказалъ Федотъ.—

Ну, одумалась, покорилась. А подоила козу, и совсѣмъ повеселѣла: хороша, правда, на удой оказалась и молоко отличная. Мы было и обрадовались. Погнали въ стадо. Далъ я пастушатамъ на табакъ, поднесъ по чашкѣ водки... а то они, сукины дѣти, брухаться приучаютъ... Только ворочается вечеромъ стадо—смотрю, нѣту моей козѣ. Я къ пастуху: почему нашей козѣ нѣту? А потому, говоритъ, пригнали мы стадо на лѣсной паръ, зачала твоя коза съ коровами играть, схватилась съ быкомъ,—отойдетъ отъ него, разлетится, разлетится—разъ его въ кичку! До того его изняла, сталъ за коровъ отъ ней прятаться, а кинешься отгонять, она—шаркъ въ овесь... Мы прямо изъ силъ выбились! А потомъ ушла, бѣгалъ за ней подпасокъ, весь лѣсъ выбѣгалъ, нигдѣ не нашелъ,—какъ скрозъ земь провалилась...

— Ну, правда что,—ядъ коза!—замѣтилъ старикъ.

— А-а!—злорадно сказалъ Федотъ.—Да это еще что, ты послухай, что дальше-то будетъ! Какъ пропала эта самая коза, мы съ бабой прямо очумѣли. Ну, думаемъ, какую, вотъ тебѣ и денежки наши, попадется она волку на зубы. А того, понятно, и въ головѣ не держимъ, что куда бы луч-

ше было, кабы ее черти задрали. Кинулись на-ранѣ въ лѣсъ, кажись, живого мѣста не оставили, все обѣлосили—нѣту нигдѣ, да и только! Затужилъ я Бо-зна какъ, однако ѣду пахать,—какъ разъ пахота подошла. Взялъ съ собой хлѣбушка въ платочкѣ, положилъ подъ межу, пашу, а на другомъ бугрѣ малый нашъ деревенскій пашетъ—вдругъ, слышу, кричитъ что-то, показываетъ рукой. Оглянулся я—да такъ и ахнулъ: коза! Вытащила узелокъ, схватила въ зубы, растрясла и стоитъ, дергаетъ бородой, хлѣбъ лопаешь... Кинулъ я поскорѣй соху и къ ней. Я къ ей, а она отъ мене. Я къ ей, она отъ мене: отбѣжитъ, остановится, жуешь хлѣбъ—и горюшка мало. И вѣдь такая веселая и умная стерва—за всѣмъ моимъ движеніемъ слѣдитъ. А меня сердце на нее беретъ, очень хочется поймать, такъ бы, кажись, и расшнѣ ее! Сожрала хлѣбъ и пошла: обертывается, поглядываетъ, хвостомъ трясетъ,—ну, прямо насмѣшничаетъ!

— Что и говорить, скотина безпечная! — сказалъ старикъ.

— Про что жъ я-то говорю!—воскликнулъ Ѳедотъ, поощренный сочувствіемъ.— Я про то и говорю, что она прямо сокру-

шила насъ! Тутъ и недѣли не прошло, стали всѣ на меня обижаться, такъ, говорить, и живетъ коза твоя въ мужицкихъ хлѣбахъ, у меня у самого весь осьминникъ истолкла, всѣ кисти съ овса оборвала. Разъ какъ-то зашла гроза, зачала молонья полыхать, опустился дождь—смотрю, несется моя бѣлая коза, что есть духу, прямо къ намъ, оретъ не своимъ голосомъ—и прямо въ сѣнцы. Я со всѣхъ ногъ за ей, зажалъ ее въ уголъ, затанулъ черезъ рога подпояской, зачалъ ее утѣжить... громъ гремитъ, молонья жжетъ, а я ее деру, я ее деру! Должно, болѣ часу дралъ, вѣрное слово. Посадила потомъ на варкѣ, привязалъ на подпояскѣ... да тотъ-то ее знаетъ, либо подпояска попалась гнилая, либо еще что, только глянули мы на-ранѣ — опять нѣту козъ! Такъ, вѣришь ли, ажъ слеза меня со зла прошибла!

IV.

Тонъ Ѳедота сталъ такъ простъ, сердеченъ, такъ полонъ хозяйственного огорченія, что никому бы и въ голову не пришло, что это рассказываетъ о своемъ грѣхѣ убійца. Да и слушали его просто. Кирушка неподвижно лежалъ внизъ животомъ, съ головой покрытый армякомъ, выставивъ изъ подъ него толсто опутанныя бѣлыми

онучами, въ большихъ лаптяхъ ноги. Иванъ, надвинувъ на лобъ шапку, запустивъ руки въ рукава, лежалъ на боку и тоже не двигался, молчалъ же строго и серьезно потому, что считалъ ниже своего достоинства интересоваться дураками. Ему такъ было мало дѣла, убійцы передъ нимъ или нѣтъ, что онъ даже крикнулъ разъ:

— Спать пора! Завтра домелете!

А Пашка и старикъ, полулежа и задумчиво перекусывая соломинки, только головами покачивали да порою усмѣхались: ну, правда, и зазналъ горя Оедоть съ козой! И Оедоть, видимо, считая себя уже оправданнымъ этимъ сочувствіемъ къ его смѣшному и горькому положенію, совсѣмъ пересталъ стѣсняться отступленіями. И гимназистъ, стиснувъ зубы и отъ вѣтра и отъ внутренняго холода, порою дико, съ изумленіемъ оглядывался: гдѣ онъ и что это за странная ночь? Но была все такая же, простая, знакомая, деревенская ночь, какихъ было много: темнѣло поле, чернымъ треугольникомъ вырѣзывалась въ звѣздномъ небѣ рига, дулъ вѣтеръ по лозяку, за которымъ вспыхивали и пропадали звѣзды, доходило до лицъ и рукъ прохладное дуновеніе съ запахомъ мякины, шуршало въ соломѣ и опять стихало.. Глубокимъ

сномъ спали, утонувъ въ соломѣ бѣлыми клубками, собаки... И страшное было только въ томъ, что было уже поздно, что высоко поднялась съ сѣверо-востока кучка серебряныхъ звѣздъ, что глухо, по-осеннему шумитъ вдали темная масса дремوتнаго сада, что блестятъ въ звѣздномъ свѣтѣ глаза на лицахъ разговаривающихъ...

— Да, братецъ ты мой,—говорилъ Оедоть, смѣясь надъ своимъ нелѣпымъ и печальнымъ положеніемъ:—какъ же не бѣда-то! Сказываютъ мнѣ наконецъ того,—загналъ мою козу мужикъ на Прилѣпахъ. Иду добывать, дѣлать нечего, такой ужъ, видно, жербій мой. Прихожу на деревню, идѣ ни гляну,—никого нѣту, всѣ на работѣ. Ъдетъ мальчикъ за водой, спрашиваю: гдѣ домъ Бочкова? «А вонъ, говорить, гдѣ старуха въ красной паневѣ подъ лозинкой сидитъ». Подхожу: «это Бочковъ дворъ?» Махаетъ мнѣ старуха рукой, на варокъ показываетъ...

— Ошалѣла, значить, отъ старости,—вставилъ Пашка, такъ хорошо засмѣявшись, что гимназистъ съ изумленіемъ и страхомъ оглянулся на него и подумалъ: «да нѣтъ, не можетъ быть—это онъ все навралъ на себя!»

— Ошалѣла,—подтвердилъ Оедоть.—

Только рукой махаетъ. А. я ужъ давно слышу, свинья на варкѣ юзжить. Отворяю дверь въ клѣтушку, плетеную закутку, гдѣ эта самая свинья сохраняется. Вижу, возить бабу здоровенная матка: навалилась на нее баба, держитъ одной рукой, другой изъ ведра на нее поливаетъ. А свинья вся черная отъ грязи, возить ее, таскаетъ, никакъ баба съ ней не сладитъ, заголилась до самаго живота. И смѣхъ и грѣхъ! Увидала меня, обдернула подоль, ноги, руки, вся лицо въ навозѣ... «Что тебѣ нужно?» — «Что нужно! По дѣлу. Вы мою козу загнали, держите прибудный скотъ, а объявленіе не дѣлаете». — «Никакой, говорить, твоей козѣ мы не держимъ. Мы ее выпустили. Ее на барскомъ дворѣ загнали». Такъ, думаю, значить, опять моя дѣло табакъ. Ну, погоди жъ ты! Вышелъ, пошелъ. Только зашелъ за сосѣдній дворъ, повернулъ за стежку по конопамъ, откуда ни явись, мальчишка чей-то рыжій навстрѣчу, а за избой, слышу, однодворка кричить: «Кузька, куда тебе закружило, глаза твои накройся?» Я и говорю мальчишкѣ: — «Скорѣй, говорю, бѣги, вонъ мать съ крипивою идетъ». А она и вотъ она — увидала его, бѣжитъ: «Не табѣ сказала за малымъ смотрѣть? А тебе куда завихрило, такой-ся

кой?» Потомъ какъ вскинется на меня: — «Ты чей?» — «А тебѣ, молъ, что за дѣло?» — «Да нѣтъ, ты скажи, ты чей?» — «Старой трандѣ казначей. Чего орешь? Я козу свою ищу». — «А, такъ это ты, глаза твои накройся, съ своей козой спокою всему селу не даешь!» И вижу вдругъ — несется ко мнѣ высокій мужикъ отъ рыги — безъ шапки, распояской, въ сапогахъ. Набѣжалъ со всѣхъ ногъ: «Твоя коза?» — «Моя»... Развернулся — какъ ахнетъ мнѣ въ ухо!

— Чисто! — въ одинъ голосъ воскликнули старикъ и Пашка, а гимназистъ даже взвизгнулъ: вотъ оно, самое страшное! Но Федотъ спокойно вытянулъ изъ-подъ себя полу полушубка и спокойно продолжалъ:

— Да, такъ огрѣлъ, ажъ въ головѣ у меня зажундѣло. Я сгребъ его за руки, спрашиваю: за что? А тутъ ужъ народъ бѣжитъ... Я при всѣхъ прошу просвидѣтельствовать это дѣло, опять спрашиваю: что такое моя коза натворила? Оказывается, ребенка съ ногъ долой сшибла, голову до крови проломила, рубаху сжевала, рожь истолкла. Чудесно, — подавай въ судъ, тамъ и съ меня спросятъ, и тебя не помилуютъ. Теперъ-то, молъ, елдакъ ты съ

меня возмешь! Шапку надѣлъ и пошелъ поскорѣй на барскій дворъ. Повеселѣлъ маленько: коза теперь, думаю, не уйдетъ, а взыскивать съ меня ты теперь не можешь,—драться-то погодить было надо. Подхожу, вижу, ѣдетъ на лошаdkѣ съ подрубленнымъ хвостикомъ мальчикъ въ атласномъ картузикѣ, съ голыми руками-ногами, жокей называется. Лошадь подыгрываетъ, а онъ ее хлыстикомъ жилаетъ. «Здравія желаемъ, молъ, дозвольте спросить: у вашей милости моя коза?»—«А вы кто такой?»—«Хозяинъ этой козѣ».—«Ну, такъ ее мой папаша велѣлъ загнать». Расчудесное дѣло, иду дальше, встрѣлъ нищаго, сдѣлалъ у него запасъ хлѣбушка, а то кобели на барскомъ дворѣ, здоровы, взошелъ на барскій дворъ, стоитъ, вижу, возлѣ дома, на песочномъ току, карета четверикомъ,—лошади жирныя, рьяныя. На крыльцѣ лакей съ двумя бородами. Выходитъ барышня взрослая, въ шляпкѣ съ лентами, вся лицо въ кисеѣ. «Даша,—кричитъ въ домъ горничной,—скажи барину, чтобъ шелъ скорѣй. Онъ въ манежѣ»... Я къ манежу. Вижу, стоитъ самъ баринъ въ мундирѣ съ зеленымъ воротомъ, а мальчишка на крышѣ сидитъ, запустилъ руку подъ пелену, ищетъ что-й-то. Должно

шкворцовъ, думаю себѣ. Анъ нѣтъ,—воробьями занялся. Онъ глядитъ, кричитъ: «лови, лови ихъ, сукиныхъ дѣтей», а мальчишка ловитъ воробьятъ голыхъ, вытаскиваетъ и объ земь бьетъ. Увидалъ меня: «ты что?»—«Да вотъ, говорю, мою козу вашъ садовникъ на земляникѣ прихватилъ. Дозвольте ее взять, убить».—«Ужъ это не въ первый разъ, говоритъ, я тебя оштрахую на два цалковыхъ».—«Согласенъ, говорю, съ вами, виновать, подписываюсь въ этимъ. Такой грѣхъ, говорю,—у меня ее завсегда двѣ дѣвки стерегутъ, а вчера, какъ нарочно,—пострѣлъ ихъ знаетъ, сырыхъ грибовъ, что ли, наѣлись,—катаются, блюютъ, а жена-то, признаться, тоже не доглядѣла, въ пунькѣ лежала, на крикъ кричала—рука развилась»... Надо вѣдь какъ-нибудь оправдываться. Рассказываю ему, какая у меня коза ядъ, какъ меня съѣздили по уху за нее,—смѣется, подобрѣлъ. «Сколько, говорю, ни преслѣдую, никакъ не поймаю, и такъ хотѣлъ у вашей милости порошокъ попросить да у огородника ружье взять, изъ ружья ее пристрѣлить». Ну, онъ и размякъ, дозволилъ взять, а я тутъ же и пристукнулъ ее.

— Пристукнулъ-таки?—спросилъ старикъ.

— Обязательно, — сказалъ Ѳедотъ. — «Ну, бери, говоритъ, только, смотри, съ моими не смѣшай». — «Никакъ нѣтъ, говорю, я хорошо ее личность знаю». Пошли на варокъ, взяли пастуха Пахомку. Глянулъ я, — сейчасъ же и замѣтилъ ее черезъ овецъ: стоитъ, жустрить что й то, косится на меня. Согнали мы съ Пахомомъ овецъ въ уголь поплочнѣе, сталъ я къ ей подходить. Шага два сдѣлалъ, — она сигъ черезъ барана! И опять стоитъ, глядитъ. И опять къ ей... Какъ она уткнетъ голову рогами въ земь, да какъ стреканетъ по овцамъ, — такъ тѣ отъ ней какъ вода разделись! Взяло меня зло. Говорю Пахомкѣ: «ты ее подгоняй потише, а я, гдѣ потемнѣе, влѣзу на переметь, за рога ее перехвачу». А навозу на дворѣ страсть сколько, подъ самые переметы въ иныхъ мѣстахъ. Залѣзъ я на переметь, легъ, облапилъ покрѣпче, а Пахомка подпугиваетъ ее ко мнѣ. Дождался я, наконецъ того, пока она подъ самый переметь подошла — цопъ ее за рогъ! Какъ закричитъ она, — даже жуть меня взяла! Свалился съ перемета, ногами упираюсь, держусь за рогъ, а она претъ меня по двору, дотащила до ямы, вывернулась, заскребла меня рогомъ по бородѣ, по носу, — ажъ въ глазахъ по-

темнѣло... Глянулъ, а она ужъ на крышѣ: вскочила на навозъ, съ навозу на крышу, съ крыши — въ бурьянъ... Слышимъ, зашумѣли собаки на дворѣ, подхватили ее; турятъ по деревнѣ. Мы, конечно, выскочили, за ней. А она летитъ, что ни есть духу, и прямо къ крайней избѣ: тамъ изба новая строилась, еще окна заложены были замашками и сѣнецъ нѣту, а положены къ крышѣ наскосякъ лозинки голыя. Такъ она по нимъ на самый князекъ взвилась — взнесла жъ ее вихорная сила! Подбѣжали мы поскорѣе, а она, видно, почуяла смерть — плачетъ благимъ матомъ, боится. Подхватилъ я здоровый кирпичъ, изловчился — да такъ ловко залѣпилъ, что она ажъ подскакнула, да какъ зашуршитъ внизъ по крышѣ! Подбѣжали мы, а она лежитъ, держаетъ языкомъ по пыли... вздохнетъ и захрипитъ, вздохнетъ и захрипитъ — альни пыль изъ-подъ носу подымается. А языкъ длинный, чисто какъ у змѣи... Ну, понятно, черезъ какойнибудь полчаса и околѣла.

У.

Помолчали. Ѳедотъ приподнялся, сѣлъ и, согнувшись, разводя руками, сталъ медленно развивать оборки, которыми были опутаны его старья, все спускавшіяся ону-

чи. И черезъ минуту гимназистъ съ ужасомъ и отвращеніемъ увидалъ то, что прежде видѣлъ столько разъ совершенно спокойно: голую мужицкую ступню, мертвенно-бѣлую, огромную, плоскую, съ безобразно разросшимся большимъ пальцемъ, криво лежащимъ на другихъ пальцахъ, и худую волосатую берцу, которую Федотъ, распутавъ и кинувъ онучу, сталъ крѣпко, съ сладостнымъ ожесточеніемъ чесать, драть своими твердыми, какъ у звѣря, когтями. Надравъ, онъ пошевелилъ пальцами ступни, взявъ въ обѣ руки онучу, залубенѣвшую, вогнутую и черную въ тѣхъ мѣстахъ, что были на пяткѣ и подошвѣ, — точно натертую чернымъ воскомъ, — и встряхнулъ ея, развѣвая по свѣжему вѣтру нестерпимое зловоніе. «Да, ему ничего не стоитъ убить! — дрожа, подумалъ гимназистъ. — Это нога настоящаго убійцы! Какъ онъ страшно убилъ эту прелестную козу! А того — брускомъ.. вѣрно, косу точилъ... И прямо въ темя, наповаль... Но Пашка, Пашка! Какъ онъ могъ такъ весело рассказывать? И съ наслажденіемъ: «ажъ въ спину выскочило!»

Вдругъ, не поднимая головы, сумрачно заговорилъ Иванъ:

— Дураковъ и въ алтарѣ бьютъ. А те-

бя-то, Постный, за эту козу задрать мало. За что жъ ты ее убилъ? Ты бы продалъ-то ее. Какой же ты послѣ этого хозяинъ, клюй-Матвѣй, когда не понимаешь, что безъ скотины мужику нельзя быть? Ее цѣнить надо. Да будь у меня коза-то...

Онъ не договорилъ, помолчалъ и вдругъ усмѣхнулся:

— Это вотъ въ Становой была исторія, ну, правда что... Вотъ не хуже твоей козѣ быкъ у барина Мусина завелся озорной. Прямо проходу никому не давалъ. Двухъ пастушатъ закололъ, на чѣпъ приковывали, и то срывался, уходилъ. Тоже вотъ такъ-то весь хлѣбъ у мужиковъ истолокъ, а согнать никто не смѣетъ: боятся, за версту обходятъ. Ну, рога, понятно, спилили, вылегчили... посмирнѣлъ. Только мужики припомнили ему. Какъ пошли эти бунты, такъ они что сдѣлали: поймали его на полѣ, веревками обротали, свалили съ ногъ долой... бить не стали, а взяли да освѣжывали до-чиста. Такъ онъ, голый, и примчался на барскій дворъ, — разлетѣлся, грохнулся и околѣлъ тутъ же... кровью весь исшелъ.

— Какъ? — сказалъ гимназистъ. — Кожу содрали? Съ живого?

— Нѣтъ, съ варенаго,—пробормоталъ Иванъ.—Эхъ, ты, московскій обуватель!

Всѣ захохотали, а Пашка, хохоча пуще всѣхъ, подхватилъ:

— Ну и разбойники! А ты такъ-то говоришь, миловать насъ! Нѣтъ, братъ, знать, безъ нашего брата, прохожаго солдата, тутъ не обойдешься! Мы вотъ, когда послѣ Сенякъ подъ Курскомъ стояли, такъ тоже смиряли одно село. Затѣялись тамъ мужики барина разбивать... И баринъ-то, говорятъ, добрый былъ... Ну, пошли на него всѣмъ селомъ, и бабы, конечно, увязались, а навстрѣчу имъ—стражники. Мужики, съ кольями, съ косами,—на нихъ. Стражники сдѣлали залпъ, да, понятно, драло... какая тамъ чортъ сила въ этихъ мужланахъ!—а одна пуля и жильни ребенка на рукахъ у бабѣ. Баба жива осталась, а онъ, понятно, и не пискнулъ, такъ ножками и брыкнулъ. Такъ, Господи Ты Боже мой!—сказалъ Пашка, мотая отъ смѣха головой и усаживаясь поудобнѣй:—чего только ни направили мужики! Все въ лоскъ, въ дребезги разнесли, барина этого самаго въ закуту загнали, затолкли, а мужикъ этотъ, отецъ-то этого ребенка, прибѣжалъ туда съ этимъ самымъ ребенкомъ, задохнулся, очумѣлъ отъ горя—и давай барина по го-

ловъ этимъ ребенкомъ мертвымъ охаживать! Сгребъ за ножки—и давай бузовать. А тутъ другіе навалились и, значить, міромъ-соборомъ и прикончили. Насъ пригнали, а ужъ онъ тлѣть сталъ... Ну, да это что,—звонко и весело сказалъ онъ своимъ пріятнымъ, груднымъ голосомъ:—ты свою-то исторію докажи.

«Что жъ ты смѣешься-то, дуракъ!»—хотѣлъ крикнуть гимназистъ, вдругъ почувствовавъ лютую ненависть къ смѣху, къ голосу Пашки. Но тутъ неожиданно зашевелился Кирюшка и съ дѣтской наивностью сказалъ, поднимая голову:

— А вотъ, что было, когда Кочергина-барина разбивали... бѣда! Я тогда въ пастухахъ у него жилъ... Такъ они всѣ зеркала въ прудъ покидали... Ходили потомъ съ деревни купаться и все изъ тины ихъ вытаскивали... Нырнешь, станешь, а она подъ ногой такъ и скользнетъ... А эту... какъ ее... фортопьяну въ рожъ заволокли... Мы, бывало, придемъ...—Кирюшка приподнялся и, смѣясь, облокотился:—Мы придемъ, а она стоитъ... Возьмешь дубинку да по ней, по косточкамъ-то... съ угла на уголъ... Такъ она лучше всякой гармоньи играетъ!

Всѣ опять засмѣялись. Оедотъ пере-

обулся, опять аккуратно перекрестил онучи оборками и, оправившись, принялъ прежнее положеніе. И, выждавъ минуту молчанія, размѣренно сталъ досказывать свою исторію:

— Да, шурыгнулъ меня по уху да еще въ судъ на меня подалъ... за эти, значитъ, за всѣ протери-убытки, за потраву. Звали его Андрей Богдановъ... Андрей Ивановъ Богдановъ. Рослый мужикъ, красный, худой, завсегда злой, пьяный. Ну, и подалъ на меня. Меня же огрѣлъ по-уху и на меня же подалъ. Тутъ самая рабочая пора подошла,дохнуть некогда, а я при за пятнадцать верстъ... За то-то, видно и покаралъ его Господь...

Глядя въ солому, глухо покашливая и обтирая ладонью свои плоскія губы, Ѳедотъ говорилъ все сумрачнѣе и выразительнѣе. Сказавъ: «покаралъ его Господь» — онъ помолчалъ и продолжалъ:

— Дѣло-то на нѣтъ, понятно, свели. Помирили насъ. Обоюдная, значитъ, обида. Но только онъ тѣмъ не пронялся. Помирился со мной, да тутъ же отшелъ, пьяный напился, сталъ грозить убить меня. При всѣхъ кричитъ: «Погоди, говоритъ, погоди, это я еще не пьянъ сейчасъ, а выпью, я тебя утѣшу». Хочу отъ скандалу

уйтись,—за пельки хватается... Потомъ на деревню къ намъ зачалъ ходить: придетъ, пьяный, подъ окна и давай меня матеркомъ пушить. А у меня дочь взрослая...

— Неладно!—сочувственно крикнулъ старикъ и зѣвнулъ.

— Хороша лада!—сказалъ Ѳедотъ — Ну, вотъ и пришелъ подъ Кирики, вечеромъ. Слышу, шумитъ по улицѣ. Я всталъ, ни слова не говоря, ушелъ на дворъ, сѣлъ на борону, сталъ косу отбивать. А такая зло беретъ, ажъ въ глазахъ темнеетъ. Слышу—подошелъ къ избѣ, буянить. Должно, стекла хочетъ бить, думаю себѣ. А онъ погамѣлъ и ужъ пошелъ-было прочь. Тѣмъ бы и кончилось, можетъ, да выскочила Олька, дочь моя... да и закричи не своимъ голосомъ: «Отецъ, караулъ, меня Андрюшка бьетъ!» Я выскочилъ съ брусомъ отъ кося да сгоряча—разъ его въ голову! А онъ и—наземь. Подскочили къ нему, а онъ лежитъ, хрипитъ и ужъ слюни пускаетъ. Прибѣжалъ народъ, стали водой отливать... А онъ лежитъ и икаетъ... Можетъ, тутъ надо было походатайствовать чѣмъ-нибудь... какой-нибудь примочки тамъ положить, али еще что.. въ больницу бы свезть поскорѣй, да доктору десятку... да гдѣ ее взять? Ну, онъ поикалъ, поикалъ,

да и померъ къ ночи. Побился, побился, на спину запрокинулся, вытянулся и—готовъ. И народъ кругомъ стоитъ, смотреть, молчить. А ужъ огни зажгли...

Весь дрожа мелкой дрожью, съ пылающимъ лицомъ, гимназистъ поднялся и, утопая по-поясъ въ соломѣ, пошелъ по омету внизъ. Борзая, испуганная имъ, вдругъ вскочила и отрывисто брехнула. Гимназистъ, рѣзко дернувшись, упалъ въ соломѣ и замеръ. Шумѣлъ холодный вѣтеръ, надъ самой головой бѣлѣла кучка холодныхъ осеннихъ звѣздъ, а за бугромъ шелестѣвшей соломѣ слышался мѣрный, низкій голосъ Оедота:

— Я въ пунькѣ подѣ стражей два дни сидѣлъ и все это въ окошечкѣ видѣлъ... какъ анатомили-то его. Сошелся народъ со всѣхъ деревень смотрѣть этого убиенца и меня, конечно, въ томъ числѣ. Лѣзутъ подѣ самую пуньку... Вынесли двѣ скамейки на выгонъ, поставили подѣ самой пунькой, положили на нихъ убиенца. Подѣ голова чурбанъ подсунили. Рѣзаку и слѣдователю стулья, столъ принесли. Подошелъ рѣзакъ, рубаху оборвалъ, портки оборвалъ—лежить, вижу, трупъ совсѣмъ голый, ужъ твердый весь, гдѣ зеленый, гдѣ желтый, а лицо вся восковая, красная борода стала

рѣдкая, такъ и отдѣляется. На причинное мѣсто рѣзакъ лопухъ положилъ. Тутъ же, обыкновенно, ящикъ съ разными причадалами. Подошелъ рѣзакъ, разобралъ ему волосы отъ уха къ уху, сдѣлалъ надрѣзъ и зачалъ половинки съ волосами зачищать. Гдѣ отонокъ, ножичкомъ скоблить. Отодралъ ихъ на обѣ стороны, открылъ одну, на носъ положилъ. Сталъ виденъ черепокъ весь—какъ колгушка какая. А на немъ пятно черная околѣ праваго уха, черная сгушенная кровь,—гдѣ, значитъ, ударъ-то былъ. Рѣзакъ говоритъ слѣдователю, а тотъ пишетъ: «На такихъ-то сводахъ три трещины»... Потомъ зачалъ черепокъ кругомъ подпиливать. Пила не взяла, такъ онъ вынулъ молоточекъ съ зубрильцемъ и по этому слѣдку, гдѣ пилкой-то намѣтилъ, зубрильцемъ прострочилъ. Черепокъ такъ и отвалился, какъ чашка, сталъ весь мозгъ виденъ...

— Что дѣлають, разбойники-живорѣзы!—хрипло замѣтилъ задремавшій было старикъ.

А Оедотъ твердо договаривалъ:

— Потомъ вынулъ толстый ножъ, сталъ рѣзать грудь по хрущамъ. Вырубилъ косякъ, сталъ отдирать—трещить даже...

Стало видать желудокъ весь, легкія синія, всю нутренность...

Глухой отъ стука собственного сердца, гимназистъ поднялся на ноги, во весь свой длинный ростъ, въ картузѣ, сдвинутомъ на затылокъ, въ легкой шинелькѣ, которая была уже коротка ему. Сѣрый, большой, страшный въ своемъ монгольскомъ спокойствіи Ѳедотъ мѣрно говорилъ, держа трубку въ зубахъ, но онъ уже не слушалъ его. Онъ во всѣ глаза глядѣлъ на всѣхъ этихъ, такихъ знакомыхъ и такихъ чужихъ, непонятныхъ, всю душу его перевернувшихъ въ эту ночь людей. Жалкій въ своемъ пороки и смиренности, въ своей пастушеской первобытности, Кирюшка спалъ, покрывшись армякомъ, выставивъ изъ-подъ него толстую, въ бѣлыхъ онучахъ, согнутую въ колѣнѣ ногу. Спалъ и Иванъ съ сумрачнымъ, презрительнымъ лицомъ, Иванъ, въ черной землянкѣ котораго, въ оврагахъ на краю голой деревни, въ темнотѣ и грязи, подъ низкимъ потолкомъ, подъ дерновой крышей, уже третій годъ лежитъ, умираетъ и никакъ, къ тоскѣ своей, не умереть его страшная, черная старуха-мать, а зубастая, худая жена кормитъ темно-желтой, длинной, тощей грудью голопузаго, сопливаго, ясноглазаго ребенка,

съ губами, въ кровь источенными несмѣтными избяными мухами. Спалъ крѣпкимъ, здоровымъ сномъ, на свѣжемъ вѣтру, счастливый Пашка, въ своемъ солдатскомъ картузѣ, тяжелыхъ сапогахъ и новомъ полушубкѣ. А старикъ Хомутъ, у котораго нѣтъ даже полушубка,—есть только зипунъ съ большой прорѣхой на плечѣ,—у котораго такъ низко висятъ всегда на дряблыхъ ляжкахъ истертыя портки, сидѣлъ спиной къ вѣтру, безъ шапки, голый по-пояс. Онъ, старчески худой, желтотѣлый, съ косо-поднятыми плечами, съ искривленнымъ крупнымъ позвоночникомъ, блестящимъ при свѣтѣ свѣздъ, сидѣлъ, наклонивъ большую лохматую голову, которую ерошилъ свѣжій вѣтеръ, согнувъ свою уже тонкую, всю въ бурыхъ, жесткихъ морщинахъ шею, пристально осматривалъ снятую рубаху и, слушая Ѳедота, порою крѣпко давилъ ногтями ея воротъ.

Гимназистъ соскочилъ на твердую и гладкую осеннюю землю и, горбясь, быстро пошелъ къ темному шумящему саду, домой.

Всѣ три собаки тоже поднялись и, смутно бѣлая, бочкомъ побѣжали за нимъ, круто загнувъ хвосты.

1911.

Хорошая жизнь.

Моя жизнь хорошая была, я, чего мнѣ желалось, всего добила. Я вотъ и недвижимъ имуществомъ владаю,—старичокъ-то мой прямо же послѣ свадьбы домъ подъ меня подписалъ,—и лошадей, и двухъ коровъ держу, и торговлю мы имѣемъ. Понятно, не магазинъ какой-нибудь, а, какъ говорится, просто лавка, да по нашей слободѣ сойдетъ. Я всегда удачлива была, ну только и характеръ у меня настойчивый.

Насчетъ занятія всякаго меня еще батенька заучилъ. Онъ хотъ и вдовый былъ, запойный, а, не хуже меня, ужасный умный, дѣльный и безсердечный. Какъ вышла, значитъ, воля, онъ и говоритъ мнѣ:

— Ну, дѣвка, теперь я самъ себя голова, давай деньги наживать. Наживемъ, переѣдемъ въ городъ, купимъ домъ на себя, отдамъ я тебя замужъ за отличнаго господина, буду царевать. А у своихъ господъ намъ нечего сидѣть, не стоятъ они того.

Господа-то наши, и правда, хотъ добрые, а бѣдные-пребѣдные были, просто сказать—побирушки. Мы и переѣхали отъ нихъ въ другое село, а домъ, скотину и какое было заведеніе продали. Переѣхали подъ самый городъ, сняли капусту у барыни Мещериной. Она фрелиной при царскомъ дворцѣ была, нехорошая, рябая, въ дѣвкахъ посѣдѣла вся, никто замужъ не взялъ, ну и жила себя на спокоѣ. Сняли мы, значитъ, у ней луга, сѣли, честь честью, въ салашъ. Стыдъ, осень, а намъ и горя мало. Сидимъ, ждемъ хорошихъ барышей и не чуемъ бѣды. А бѣда-то и вотъ она, да еще какая бѣда-то! Дѣло наше ужъ къ развязкѣ близилось, вдругъ — скандалъ ужасный. Напились мы чаю утромъ, — праздникъ былъ,—я и стою такъ то возлѣ салаша, гляжу, какъ по лугу народъ отъ церкви идетъ. А батенька по капустѣ пошелъ. День свѣтлый такой, хотъ и вѣтренный, я и загля-дѣлась и не вижу, какъ подходятъ вдругъ ко мнѣ двое мужчинъ: одинъ священникъ, высокій этакій, въ сѣрой рясѣ, съ палкой, лицо все темное, землистое, грива какъ у лошади хорошей, такъ по-вѣтру и раздымается, а другой—простой мужикъ, его работникъ. Подходятъ къ самому салашу. Я оробѣла, поклонилась и говорю:

— Здравствуйте, батюшка. Благодаримъ васъ, что провѣдать насъ вздумали.

А онъ, вижу, злой, пасмурный, на меня и не смотритъ, стоитъ, калмышки палкой разбиваетъ.

— А гдѣ, говоритъ, твой отецъ?

— Они, говорю, по капустѣ пошли. Я, молъ, если угодно, покликать ихъ могу. Да вонъ они и сами идутъ.

— Ну, такъ скажи ему, чтобъ забиралъ онъ все свое добришко вмѣстѣ съ самоварчикомъ этимъ паршивымъ и увольнялся отсюда. Нынче мой караульщикъ сюда придетъ.

— Какъ, говорю, караульщикъ? Да мы ужъ и деньги, девяносто рублей, барынѣ отдали. Что вы, батюшка? (Я, хоть и молада, а ужъ продувная на это дѣло была.) Ай вы, говорю, смѣтаетесь? Вы, говорю, бумагу намъ должны предъявить.

— Не разговаривать, кричить. — Барыня въ городъ переѣзжаетъ, я у нее луга эти купилъ, и земля эта теперь моя собственная.

А самъ махаетъ, бьетъ палкой въ землю,—того гляди, въ морду заѣдетъ.

Увидалъ эту исторію батенька, бѣжить къ намъ,—онъ у насъ ужасный горячій былъ,—подбѣгаетъ и спрашиваетъ:

— Что за шумъ такой? Что вы, батюшка, на нее кричите, а сами не знаете, чего? Вы не можете палкой махать, а должны откровенно объяснить, по какому такому праву капуста вашей сдѣлалась? Мы, молъ, люди бѣдные, мы до суда дойдемъ. Вы, говоритъ, духовное лицо, вражду не можете имѣть, за это вашему брату къ святымъ дарамъ нельзя касаться.

Батенька-то, выходитъ, и слова дерзкаго ему не сказалъ, а онъ, хоть и пастырь, а злой былъ, какъ самый обыкновенный сѣрый мужикъ, и какъ, значить, услышалъ такія слова, такъ и побѣлѣлъ весь, слова не можетъ сказать, альни ноги подъ рясой трясутся. Какъ завизжитъ, да какъ кинется на батеньку, чтобы, значить, по головѣ его огрѣть! А батенька увернулся, схватился за палку, вырвалъ ее у него изъ рукъ вонъ, да объ колѣнку себѣ—разъ! Тотъ было—на грудь, а батенька пересадилъ ее пополамъ, отшвырнулъ куда подалъ и кричитъ:

— Не подходите, за ради Бога, ваше священство! Вы, кричитъ, черный, жуковатый, а еще пожукватѣй васъ.

Да и схвати его за руки!

Судъ да дѣло, сослали за это самое батеньку на поселенье. Осталась я одна на

всемъ бѣломъ свѣтѣ и думаю себѣ: что жъ мнѣ дѣлать теперь? Видно, правдой не проживешь, надо, видно, съ оглядкой. Подумала годокъ, пожила у тетки, вижу—дѣться мнѣ некуда, надо замужъ поскорѣй. Былъ у батеньки пріятель хорошій въ городѣ, шорникъ,—онъ и посватался. Не сказать, чтобъ изъ видныхъ женихъ, да все-таки выгодный. Нравился мнѣ, правда, одинъ чело-вѣкъ, крѣпко нравился, да тоже бѣдный, не хуже меня, самъ по чужимъ людямъ жилъ, а этотъ все-таки самъ себѣ хозяинъ. Приданого за мной копейки не было, а тутъ, вижу, берутъ безъ ничего, какъ такой случай упустить? Подумала, подумала и пошла, хоть, конечно, знала, что былъ онъ пожилой, пьяница, всегда разгоряченный чело-вѣкъ, просто сказать — разбойникъ... Вышла и стала, значить, ужъ не дѣвка простая, а Настасья Семеновна Жохова, городская мѣщанка.. Понятно, лестно казалось.

Съ этимъ мужемъ я девять лѣтъ мучилась. Одно званье, что мѣщане, а бѣдность такая, что хоть и мужикамъ впо-ру. Опять же дразги, скандалы каждый божій день. Ну, да пожалѣлъ меня Господь, прибралъ его. Дѣти отъ него поми-рали всѣ, остались только два мальчика, одинъ Ваня,

по девятому году, другой младенецъ на рукахъ. Ужасный веселый, здоровый былъ мальчикъ, десяти мѣсяцевъ сталъ ходить, разговаривать,—всѣ они у меня, дѣти-то, на одиннадцатомъ мѣсяцѣ начинали ходить и говорить,—самъ сталъ чай пить, уцопится, бывало, за блюдцо, не выдерешь никакъ.. Ну только и этотъ мальчикъ померъ. Пришла я разъ съ рѣчки домой, а мужнина сестра,—мы съ ней квартиру-то снимали,—и говорить:

— Твой Костя нынче цѣльный день кричалъ, закатывался. Я ужъ передъ нимъ и такъ и этакъ, и руками, и въ щелчки, и сладкой воды давала—давится да и только, и вода черезъ носъ назадъ идетъ. Либо онъ остудился, либо съѣлъ чего, вѣдь они, дѣти-то, все въ ротъ ташутъ, развѣ углядишь?

Я такъ и обомлѣла. Кинулась къ люлькѣ, отмахнула положекъ, а ужъ онъ томиться сталъ: даже и кричать не можетъ. Сбѣгала сестра за фельшеромъ знакомымъ, пришелъ онъ,—чѣмъ вы, говорить, его кормили?

— Ълъ, молъ, кашу манную, только и всего.

— А ничѣмъ не игралъ?

— Такъ точно, игралъ,—говорить се-

Ив Бунинъ.

стра.—Тутъ все колечко мѣдное съ хому-
та валялось, онъ и игралъ имъ.

— Ну,—говорить фельшеръ, — обяза-
тельно онъ его проглотилъ. Чтобъ у васъ
руки, говоритъ, отсохли! Натворили вы
дѣловъ, вѣдь онъ помретъ у васъ!

Понятно, по его и вышло. Двухъ часовъ
не прошло—кончился. Повинтовали мы, по-
винтовали, да дѣлать нечего,—видно, про-
тивъ Бога не пойдешь. Такъ и этого похоро-
нила, остался одинъ Ваня. Остался одинъ,
да вѣдь, какъ говорится, и одинъ—госпо-
динъ. Невеликъ человѣкъ, а все не меньше
взрослаго съѣсть, сопьеть. Стала я хо-
дить къ воинскому полковнику Никулину
полы мыть. Люди они были съ капиталомъ
хорошимъ, квартиру снимали, тридцать
рублей помѣсячно платили. Сами въ верх-
немъ этажу, внизу кухня. Стряпуха у нихъ
была совсѣмъ плохонькая старушонка, без-
отвѣтная, а распутная. Ну, и забеременѣ-
ла, понятно. Полы мыть нагинаться нель-
зя, чугуна изъ печки не вытащить... Ушла
она рожать, а я и захвати ея мѣсто: такъ
то ловко къ хозяйевамъ подкатилась! Я
вѣдь, правда, смолоду ловкая и хитрая
была, за что, бывало, ни возьмусь, сдѣ-
лаю все чисто, аккуратно, любого офи-
ціанта засушу, опять же и угодить умѣла:

что ни скажутъ господа, а я все «да-съ»,
да «такъ точно», да «истинная ваша прав-
да»... Встану, бывало, чуть лунно, полы
подотру, печку истоплю, самоваръ расчи-
щу,—господа пока проснутся, а ужъ у ме-
ня все готово. Ну, и сама я, понятно, бы-
ла чистоплотная, ладная, изъ себя, хоть и
сухая, а красивая. Мнѣ ину пору даже
жалко, бывало, себя станеть: за что, молъ,
красота моя и званіе на этакой черной
работѣ пропадаютъ?

Думаю себѣ—надо случаемъ пользо-
ваться. А случай такой, что самъ полко-
вникъ ужасный здоровый былъ и видѣть
меня покойно не могъ, а полковничиха у
него была нѣмка, толстая, больная, старѣ
его годовъ на десять. Онъ не хорошъ,
грузный, коротконогій, на кабана похожъ,
а она того хуже. Вижу, сталъ онъ замной
ухаживать, въ кухнѣ у меня сидѣть, ку-
рить меня заучать. Какъ жена со двора,
онъ и вотъ онъ. Надоѣлъ мнѣ до смерти,
а, понятно, прикидываюсь: и смѣюсь, и но-
гой сижую-мотаю,—всячески, значить, раз-
жигаю его.. Вѣдь что жъ подѣлаешь, бѣд-
ность, а тутъ, какъ говорится, хоть шер-
сти клочъ, и то дай сюда. Разъ какъ-то въ
царскій день всходить въ кухню во всемъ
своемъ мундирѣ, въ эполетахъ, подпоясанъ

этимъ своимъ бѣлымъ поясомъ какъ обручемъ, въ рукахъ перчатки лайковыя, шею надулъ, зестегнулъ, алыни синій сталъ, весь духами пахнетъ, глаза блестятъ, усы черные, толстые... Вскочить и говорить:

— Я сейчасъ съ барыней въ соборъ иду, обмахни мнѣ сапоги, а то пыль дюже — не успѣлъ по двору пройти, запылится весь.

Поставилъ ногу въ лаковомъ сапогѣ на скамейку, чистую тунбу какую, я нагнулась, хотѣла обереть, а онъ схватилъ меня за шею, платокъ даже сдернулъ, потомъ затиснулъ за грудь и ужъ за печку тащить. Я туда, сюда, никакъ не выдерусь отъ него, а онъ такъ жаромъ и обдаетъ, такъ кровью и наливается, старается, значить, одолѣть меня, поймать за лицо и поцѣловать.

— Что вы, говорю, дѣлаете! Барыня идетъ, уйдите за-ради Христа!

— Если, говоритъ, полюбишь меня, я для тебя ничего не пожалѣю!

— Какъ же, молъ, знаемъ мы эти посулы!

— Съ мѣста не сойти, умереть мнѣ безъ покаянія!

Ну, понятно, и прочее тому подобное. А, по совѣсти сказать, что я тогда смыс-

лила? Очень просто могла польститься на его слова, да, слава Богу, не вышло его дѣло. Зажалъ онъ меня опять какъ-то не во-время, я вырвалась, вся растрепанная, разозлилась до смерти, а она, барыня-то, и вотъ она: идетъ сверху, наряженная, вся желтая, толстая, какъ покойница, стонетъ, шуршитъ по лѣстницѣ платьемъ. Я вырвалась, стою безъ платка, а она и вотъ она — прямо къ намъ. Онъ мимо нее, да драло, а я стою какъ дура, не знаю, что дѣлать. Постояла она, постояла противъ меня, подержала шелковый подолъ, — какъ сейчасъ помню, въ гости нарядилась, въ коричневомъ шелковомъ платьѣ была, въ митенкахъ бѣлыхъ, съ зонтикомъ и въ шляпкѣ корзиночкой, — постояла, застонала и вышла. Выговаривать, правда, ни ему ни мнѣ ни слова не стала. А какъ уѣхалъ полковникъ въ Кіевъ, она и прогнала меня.

Собрала я свое добришко и вернулась къ сестрѣ, — Ваня-то у сестры жилъ. Сошла съ этого мѣста и опять думаю: пропадаетъ задаромъ мой умъ, ничего я не могу себѣ нажить, прилично замужъ выйти и свое собственное дѣло имѣть, обидѣлъ меня Богъ! Запрягусь, думаю, сызнава, обмогнусь какъ нибудь — и ужъ жива не буду, а добьюсь своего, будетъ у меня свой

капиталь! Подумала, подумала какъ-то, отдала Ваню въ ученье къ портному, а сама въ горничныя, къ купцу Самохвалову опредѣлилась, до и отдежурила цѣльныхъ семь лѣтъ... Съ того и поднялась.

Жалованья положили мнѣ два съ чертвертакомъ. Прислуги двѣ—я да дѣвушка Вѣра. Одинъ день я за столомъ, она посуду моетъ, другой я посуду мою, она къ столу подаетъ. Семейство не сказать чтобъ большое: хозяинъ Матвѣй Ивановичъ, хозяйка Любовь Иванна, двѣ взрослыхъ дочери, два сына. Самъ хозяинъ человѣкъ былъ серьезный, неразговорчивый, въ будни никогда и дома не бывалъ, а, какъ праздники, сидитъ у себя наверху, читаетъ всякія газеты и сигару курить, а хозяйка простая, добрая, тоже, какъ я, изъ мѣщанокъ. Дочерей своихъ, Аню и Клашу, они скоро просватали и двѣ свадьбы въ одинъ годъ сыграли, выдали за военныхъ. Тутъ-то, правду сказать, и начала я копить маленько: ужъ очень много на чай военные давали. Сдѣлаешь просто даже бездѣлицу какую-нибудь—спички когда такъ то подашь, шинель съ калошами,—глядишь. двадцать копеекъ, тридцать... Да и хаживали мы страсть чисто, нравились военнымъ. Вѣра, та, правда, изъ себя все что-й-то

строила, барышню какую-то,—ходитъ мелкими шажками, нѣжна и обидчива до крайности, сейчасъ, чуть что, брови свои пушистыя сдвинетъ, губы какъ вишни задрожатъ и ужъ слезы на рѣсницахъ,—хороши, правда, рѣсницы были, большія, я такихъ ни у кого и не видывала!—ну, а я то поумнѣй была. Я, бывало, надѣну лифъ гладкій съ косякомъ, съ прошивками, рукава короткіе, на голову косу накладную съ чернымъ бантомъ бархатнымъ, бѣлый передникъ подкрахмаленный—такъ на меня даже взглянуть интересно. Вѣра, та все въ корсетъ затягивалась,—затянется мочи нѣтъ какъ туго, и сейчасъ же голова у ней до рвоты разболится,—а я никогда и не знала этого корсета, и такъ ладная была... А сошли военные, стали сыновья хозяйскіе давать.

Саршому-то ужъ годовъ двадцать сровнялось, какъ я на мѣсто заступила, а меньшему четырнадцатый пошелъ. Этотъ мальчикъ былъ сидяка убогий. Всѣ руки, ноги себѣ переломалъ, я и то сколько разовъ видѣла это дѣло. Какъ сломаетъ, приходитъ къ нему сейчасъ докторъ, всякой ватой, марлей забинтуетъ, потомъ зальетъ чѣмъ то въ родѣ какъ известка, известка эта самая съ марлей засохнетъ, станетъ какъ

глубокъ, а какъ-подживетъ, докторъ и разрѣжетъ, все долой сниметъ,—рука-то, глядь, и срослась. Ходить онъ самъ не могъ, а положилъ на задъ. Бывало и по диванамъ, и черезъ пороги, и полѣстницамъ—такъ и жжетъ. Даже черезъ весь дворъ въ садъ проползалъ. Голова у него была большая, нескладная, на отцову похожа, виски грубые, рыжіе, какъ шерсть собачья, лицо широкое, старое. Потому какъ ѣлъ онъ страсть сколько: и колбасу, и бомбы шоколадныя, и крендели, и слоенки — чего только его душа захочетъ. А ножки, ручки тонкія, какъ овечьи, всѣ переломаны, въ рубцахъ. Водили его долго безъ ничего, рубахи шили длинныя, разныхъ цвѣтовъ, когда синія, когда розовыя. Грамотъ учительница изъ духовнаго училища учила, на домъ къ намъ ходила. Здорово занимался, умная была голова. А ужъ какъ на гармонь игралъ—гдѣ тебѣ и хорошему такъ-то сыграть! Играетъ и подпѣваетъ. Голосъ сильный, пронзительный. Бывало, какъ подымаетъ, подыметъ: «Я, монахъ, красивъ собою!». Эту пѣсню часто пѣлъ.

Старшій сынъ былъ здоровый, а тоже въ родѣ дурачка, ни къ какимъ дѣламъ не способенъ. Отдавали его въ ученье во всякія училища—вездѣ выгоняли, ничему не

выучили. Какъ ночь, залетаетъ куда-нибудь и до самой зари. Матери все-таки боялся и черезъ парадный ни за что, бывало, не пойдеть. Я вечеромъ отдѣлаюсь и жду,—какъ хозяева заснутъ, прокрадусь по горницамъ, растворю окно въ его кабинетикѣ, а сама опять на свое мѣсто. Онъ сапоги на улицѣ сниметъ, пролѣзетъ въ окно въ однихъ чулкахъ—и ни стуку ни хрупу. На другой день встанетъ,—какъ нигдѣ и не былъ, а мнѣ въ невидномъ мѣстѣ и сунетъ, что слѣдуетъ. Мнѣ-то что жъ, какая забота, беру съ великой радостью! Сломить себѣ голову—его дѣло... А тутъ и отъ меньшаго, отъ Никаноръ Матвѣича, пошелъ доходить.

Добивалась я тогда своего прямо день и ночь. Какъ забрала себѣ въ голову одно обстоятельство, чтобы безпремѣнно обезпечить себя да за хорошаго человѣка выйти, такъ и укрѣпилась въ этой жизни. Каждую копеечку, бывало, берегу: деньги то онъ съ крылушками, только выпусти изъ рукъ! Сжила Вѣру эту самую—да она, по совѣсти сказать, и безъ надобности была, я такъ и хозяевамъ сказала: я, молъ, и одна справлюсь, вы лучше прибавьте мнѣ какую ни на есть бездѣлицу — осталась одна и ворочаю. Жалованье не стала на

руки брать: какъ нарастетъ рублей двадцать, двадцать пять, сейчасъ прошу хозяйку въ банкъ съѣздить, на мое имя положить. Платье, башмаки—все хозяйское шло, куда жъ мнѣ тратить? Только и сдѣлала расходу, что на памятникъ, мужу на могилку, два семь гривенъ заплатила, чтобъ люди не осуждали. А тутъ еще, на счастье мое, на его бѣду, влюбился въ меня, прости Господи, убогій этотъ...

Теперь-то, понятно, часто думается: можетъ, за него то и наказалъ меня Господь сыномъ! Иной разъ изъ головы не идетъ,—я вотъ сейчасъ расскажу, что онъ надъ собой сдѣлалъ,—да и то принять въ расчетъ, что ужъ очень обидно было: гляну, бывало, на него, головастаго, и такая-то досада возьметъ! «Чтобъ тебѣ, молъ, подѣялось, въ рубашкѣ ты родился! Вотъ вѣдь и калѣка, а въ какомъ богатствѣ живеть. А мой и хорошъ, да въ праздникъ того не съѣсть, не сопьеть, что ты въ будни, походя!» Стала я замѣчать—похоже, влюбился онъ въ меня: ну, прямо глазъ съ моего лица не сводить. Онъ ужъ тогда лѣтъ шестнадцати былъ и шаровары сталъ носить, рубашку подпоясывать, усы красные стали пробиваться. А нехорошій, конопатый, зеленоглазый—избавь Богъ. Ли-

цо широкое, а худищій какъ кость. Сперва-то онъ, видно, то въ голову себѣ забралъ, что понравиться можетъ,—зачалъ прифранчиваться, подсолнухи покупать и такъ то лихо, бывало, на гармонь заливаешься,—заслушаешься. Хорошо, правда, игралъ. Потомъ видить, что дѣло его не выходитъ, — притихъ, задумчивый сталъ. Разъ стою на галереѣ, вижу—ползетъ съ новой нѣмецкой гармоньей по двору,—опять подбрислся, причесался, рубаху синюю съ косымъ высокимъ воротомъ надѣлъ, въ три пуговицы,—голову запрокинулъ, меня, значить, ищетъ. Поглядѣлъ, поглядѣлъ, глаза томные, мутные сдѣлалъ—и-и залился подъ польку:

Пойдемъ, пойдемъ поскорѣ
Съ тобой польку танцовать,
Въ танцахъ я могу смѣлѣе
Про любовь свою сказать...

А я, будто и не замѣтила,—какъ шваркну изъ полоскательницы! Шваркнула, да и сама не рада, очень испугалась: будетъ, молъ, мнѣ теперь на орѣхи! А онъ ползетъ, бьется наверхъ по лѣсницѣ, обтирается одной рукой, другой гармонью тащить, глаза опустилъ, весь побѣлѣлъ и говорить этакъ скромно, съ дрожью:

— Чтобъ у васъ руки отсохли. Грѣхъ вамъ за это будетъ, Настя.

И только всего... Правда, смирный былъ.

Худѣлъ онъ это время ну прямо не по днямъ, а по часамъ, и ужъ докторъ сказалъ, что не жилецъ онъ на бѣломъ свѣтѣ, обязанъ отъ чахотки помереть. Я гребовала, бывало, и прикоснуться къ нему. Да, видно, гребовать бѣдному человѣку не приходится, деньгами все можно сдѣлать, вотъ онъ и сталъ подкупать меня. Какъ, бывало, позаснутъ всѣ послѣ обѣда, онъ сейчасъ и зоветъ меня къ себѣ — либо въ садъ, либо въ горницу свою. (Онъ отдѣльно ото всѣхъ, внизу жилъ, горница большая, теплая, а скучная, всѣ окна во дворъ, потолки низкіе, шпалеры старыя, коричневыя).

— Ты, говоритъ, посиди со мною, я тебѣ за это деньжонокъ дамъ. Мнѣ отъ тебя ничего не надо, просто я влюбился въ тебя и хочу посидѣть съ тобой: меня одного стѣны съѣли.

Ну, я возьму деньги и посижу. И набрала такимъ манеромъ съ полсотни. Да жалованья у меня лежало съ процентами сотни четыре. Значитъ, думаю себѣ, пора мнѣ теперь понемножку вылѣзть изъ хомута. А по совѣсти сказать, жалко было — хо-

тѣлось еще годокъ-другой пережить, еще покопить маленько, главная же вещь — проговорился онъ мнѣ, что у него задушевная копилка есть, рублей двѣсти по мелочамъ отъ матери набралъ: понятно, болень часто, лежитъ одинъ въ постели, ну, мать и суетъ для забавы. А я нѣтъ-нѣтъ, да и подумаю: прости, Господи, мое согрѣшеніе, лучше бы онъ мнѣ эти деньги отдалъ! Ему все равно безъ надобности, вотъ вотъ помереть, а я могу на весь вѣкъ справиться. Выжидаю только, какъ бы поумнѣй дѣло это сдѣлать. Стала, понятно, поласковѣе съ нимъ, стала чаще сидѣть. Войду, бывало, въ его горницу, да еще нарочно оглянусь, будто крадучись вошла, дверь при-
творю и заговорю шопотомъ:

— Ну вотъ, молъ, я и отдѣлалась, давай-те сидѣть парочкой.

Значитъ, дѣлаю видъ, въ родѣ какъ будто у насъ свиданіе назначено, а я будто и робѣю, и рада, что отдѣлалась, могу теперь побыть съ нимъ. Потомъ стала скучной, задумчивой прикидываться. А онъ-то добивается:

— Настя, что ты такая грустная сдѣлалась?

— Такъ, молъ, — мало ли у меня горя!

Да еще вздохну, примолкну и на-руку щекой обопрусь.

— Да въ чемъ, говоритъ, дѣло-то?

— Мало ли, молъ, дѣловъ у бѣдныхъ людей, да какая кому печаль объ нихъ? Я даже этимъ разговоромъ и наскучать вамъ не хочу.

Ну, онъ вскорости и догадался. Умный, говорю, былъ, хоть бы здоровому впору. Разъ пришла къ нему,—дѣло, какъ сейчасъ помню, на средокрестной было, погода этакая сумрачная, мокрая, туманъ стоитъ, въ домѣ всѣ спятъ послѣ обѣда,—я вошла къ нему съ работой въ рукахъ,—шила себѣ что-й-то,—сѣла возлѣ постели и только это хотѣла-было вздохнуть, опять скучной прикинуться и зачать его полегоньку на умъ наводить,—онъ и заговори самъ. Лежитъ, какъ сейчасъ вижу, въ рубашкѣ розовой, новой, еще не мытой, въ шароварахъ синихъ, въ новыхъ сапожкахъ съ лакированными голенищами, ножки крестъ-накрестъ сложилъ и смотритъ искоса. Рукава широкіе, шаровары того шире, а ножки, ручки—какъ спички, голова тяжелая, большая, а самъ маленькій,—даже смотрѣть нехорошо. Глянешь—думается мальчикъ, а лицо старое, хоть и молодое будто—отъ бритья-то,—и усы густые.

(Онъ почестъ каждый божій день брися, такъ, бывало, и пробиваетъ борода, всѣ руки конопатя и то всѣ въ волосахъ рыжихъ.) Лежитъ, говорю, причесался на бочокъ, отвернулся къ стѣнкѣ, шпалеры ковыряетъ и вдругъ говоритъ:

— Насть!

Я даже дрогнула вся:

— Что вы, Никаноръ Матвѣичъ?

А у самой такъ сердце и подкатилось.

— Ты знаешь, гдѣ моя копилка лежить?

— Нѣтъ, говорю, я этого, Никаноръ Матвѣичъ, не могу знать. Я плохо противъ васъ никогда въ умѣ не держала.

— Встань, отодвинь нижній ящикъ въ гардеропѣ, возьми старую гармонью, она въ ней лежитъ. Дай мнѣ ее сюда.

— Да зачѣмъ она вамъ?

— Такъ. Хочу деньги посчитать.

Я слазила въ ящикъ, крышку на гармонь открыла, а тамъ въ мѣхахъ слонъ жестяной забитъ, порядочно тяжелый, чувствую. Вынула, подаю. Онъ взялъ, погремѣлъ, положилъ подлѣ,—чистый, ей-Богу, ребенокъ!—и задумался объ чемъ-то. Молчалъ, молчалъ, усмѣхнулся и говоритъ:

— Я, Насть, нынче сонъ одинъ счастливый видѣлъ, даже до-свѣту проснулся отъ

него, и очень хорошо мнѣ было весь день до обѣда. Глянь-ка, я даже выбрился и прифрантился для тебя.

— Да вы, молъ, Никаноръ Матвѣичъ, и всегда чисто ходите.

А сама даже не понимаю, что говорю, до того разволновалась.

— Ну, говорить, ходить то мнѣ, видно, ужъ на томъ свѣтѣ придется. Ужъ какой я красавецъ на томъ свѣтѣ буду,—ты даже представить себѣ того не можешь!

Мнѣ даже жалко его стало.

— Надъ этимъ, говорю, грѣхъ смѣяться, Никаноръ Матвѣичъ, и къ чему вы это говорите, я даже понять не могу. Можетъ, говорю, Господь дастъ, поздоровѣете еще. Вы лучше мнѣ скажите, какой такой сонъ вы видѣли?

Онъ было опять обиняками сталъ говорить, сталъ посмѣиваться,—какой я, молъ, житель!—сталъ ни къ селу ни къ городу про нашу корову толковать,—скажи ты, говорить, за-ради Бога мамашѣ, чтобъ продала она ее, мочи моей нѣту, надоѣла она мнѣ, лежу на кровати и все смотрю черезъ дворъ на сарайчикъ, гдѣ она помѣщается, и она все смотреть въ рѣшетку на меня обратно, — а самъ все деньгами погромыхиваетъ и въ глаза не

смотреть. А я слушаю и тоже половины не понимаю, — чисто помѣшанные какіе, несемъ что попало, и съ Дону и съ моря, —наконецъ того не вытерпѣла, вѣдь вотъ-вотъ, думаю, проснутся всѣ, самоваръ потребуютъ, и пропало тогда все мое дѣло!—и поскорѣе перебиваю его, на хитрости пускаюсь:

— Да нѣтъ, говорю, вы лучше скажите, какой сонъ вы видѣли? *Про насъ что-нибудь?*

Хотѣла, понято, пріятное ему сказать и такъ-то ловко попала,—онъ даже поповѣлъ весь и глаза опустилъ. Взялъ вдругъ копилку, вынулъ ключикъ изъ шароваръ, хочетъ отпереть—и никакъ не можетъ, никакъ въ дырку не попадаетъ, до того руки трясутся,—наконецъ того отпираетъ, высыпаетъ ее себѣ на животъ,—какъ сейчасъ помню, двѣ серіи и восемь золотыхъ,—сгребъ ихъ въ руку и вдругъ говорить шопотомъ:

— Можешь ты меня одинъ разъ поцѣловать?

Такъ у меня руки, ноги и отнялись отъ страху. А онъ то съума сходить, шепчетъ, тянется:

— Настечка, только разъ! Богъ свидѣ-

тель, никогда больше слова не скажу, не попрошу!

Я оглянулась — ну, думаю, была не была! — и поцѣловала его. Такъ онъ даже задохнулся весь, — ухватилъ меня за шею, поймалъ губы и съ минуту, небось, не пу- скалъ. Потомъ сунулъ всѣ деньги въ руку мнѣ — и къ стѣнкѣ:

— Иди, говорить.

Я выскочила и прямо же въ свою гор- ницу. Заперла деньги на замокъ, схватила лимонъ и давай губы тереть. До того тер- ла, алыни побѣлѣли всѣ. Очень, правда, боялась, что пристанетъ отъ него ко мнѣ чихотка...

Ну, хорошо, это дѣло, значитъ, выш- ло, слава Богу, — начинаю другое обдѣлы- вать, поглавнѣе, изъ-за какого я и билась- то пуще всего. Чую — быть скандалу, боюсь, не будутъ меня съ мѣста пускать, начнетъ, думаю, приставать теперь съ любовью, му- жевать меня изъ-за этихъ денегъ... Нѣтъ, смотрю, ничего. Лѣзть не лѣзетъ, обо- дится попрежнему, аккуратно, будто ниче- го и не было промежъ насъ, даже, дума- ется, еще скромнѣе, и въ горницу не зо- веть: держать, значитъ, слово. Подвожу тогда хозяевамъ разговоръ, — молъ, пора мнѣ объ сыну позаботиться маленько,

ослобониться на время. Хозяева и слышать не хотятъ. А ужъ про него и говорить не- чего. Намекнула ему разъ, такъ онъ пря- мо побѣлѣлъ весь. Отвернулся къ стѣнкѣ и говорить этакъ съ усмѣшкой:

— Ты, говорить, не имѣешь права это- го сдѣлать. Ты меня завлекла, приучила къ себѣ. Ты должна подождать — я помру ско- ро. А уйдешь — я удавлюсь.

Хорошъ скромникъ оказался? Ахъ, ду- маю, безсовѣстные твои глаза! Я же изъ- за тебя себя неволила, а ты еще грозить мнѣ! Ну, нѣтъ, не на такую напался! И зачала еще пуще предлогъ искать. Роди- лась тутъ, кстати, у хозяйки еще дѣвоч- ка, наняли къ ней мамку — я и придерись, что съ ней жить не могу. Злая, правда, оголтѣлая старуха была, сама хозяйка и то ей боялась, да и пьяная къ тому же, — полштофъ подъ кроватью такъ и дежу- рилъ, — и возлѣ себя прямо терпѣть никого не могла. Стала она на меня наговаривать, смутянить всячески. То бѣлье не такъ выгладила, то подать ничего не умѣю... А скажешь ей слово, затрясется вся — и жа- литься бѣжить. Плачетъ навзрыдь, а боль- ше, понятно, не отъ обиды, а отъ при- творства. Дальше, больше, я и говорю хо- зяевамъ:

— Такъ и такъ, увольте меня, мнѣ отъ этой самой старухи бѣлый свѣтъ не милъ, я на себя руки наложу.

А сама ужъ домъ на Глухой улицѣ приглядѣла. Ну, хозяйка, прослышавши это, и не стала больше меня неволить. Правда, какъ прощалась со мной, страсть какъ звала опять къ себѣ жить, или хотъ приходитъ когда къ празднику, къ именинамъ:

— Обязательно, говоритъ, чтобъ ты приходила всегда все прибрать, приготовить. Я, говоритъ, только при тебѣ и покойна. Я къ тебѣ какъ къ родной привыкла.

Провожаетъ съ хлѣбомъ-солью,—сошло, значить, сердце,—большую булку бѣлую спекла, цѣльную солонку сахару наклала. Я благодарю всячески, а, понятно, не дѣтей мнѣ съ ней крестить: думаю одно, говорю другое. Наобщала всего съ три сумы, накланялась въ поясъ—и сошла. И сейчасъ же, Господи благослови, за дѣло. Купила домъ этотъ, открыла кабакъ. Торговля пошла ужасная хорошая,—стану вечеромъ выручку считать: тридцать да сорокъ, а то и всѣхъ сорокъ пять въ касъ,—я и надумай еще лавочку открыть, чтобъ ужъ, значить, одно къ одному шло.

Сестра мужнина замужъ давно вышла за сторожа изъ Краснаго Креста, онъ все кумой меня звалъ, дружилъ со мной,—я къ нему: взяла бездѣлицу въ долгъ на всякое обзаведенье, на права—и затрговала. А тутъ какъ разъ и Ваня изъ ученья вышелъ. Совѣтуюсь съ умными людьми, куда, молъ, его устроить.

— Да куда, говорятъ, его устраивать, у тебя и дома работы дѣвать некуда.

И то правда. Сажаю Ваню въ лавку, сама въ кабакъ становлюсь. Пошла жожка въ ходъ! И мыслить, понятно, забыла обо всѣхъ этихъ глупостяхъ, хотъ, по совѣсти сказать, онъ, убогій-то, даже въ постель слегъ, какъ я уходила. Никому ни одного словечка не сказалъ, а слегъ прямо какъ мертвый, даже гармонью свою забылъ. Вдругъ, здорово живешь,—Полканиха на дворъ, мамка эта самая. (Ее мальчишки Полканихой прозвали). Является и говоритъ:

— Тебѣ, говоритъ, одинъ человѣкъ велѣлъ кланяться, безпремѣнно велѣлъ провѣдать его.

Такъ меня въ жаръ и бросило со зла да стыда! Каковъ, думаю себѣ, голубчикъ! Что въ голову свою забралъ! Подружку какую себѣ нашелъ! Не стерпѣла и говорю:

— Мнѣ его поклоны не надобны, онѣ про свое убожество должны помнить, а тебѣ, старому чорту, стыдно въ сводни лѣзть. Слышала, ай нѣтъ?

Она и осѣклась. Стоитъ, согнулась смотреть на меня исподлобья пухлыми глазами, да только качаномъ своимъ мотаетъ. Либо отъ жары, либо отъ водки ошалѣла.

— Эхъ ты, говорить, безчувственная! Онѣ, говорить, даже плакалъ объ тебѣ. Весь вечеръ вчера лежалъ, къ стѣнкѣ отвернувшись, а самъ плакалъ навзрыдъ.

— Что жъ, говорю, и мнѣ, что ль, залиться въ три ручья? И не стыдно ему было, красноперому, ревѣть на людяхъ? Ишь ребеночекъ какой! Ай отъ соски отняли?

Такъ и выпроводила старуху эту безъ ничего и сама не пошла. А онѣ вскорости возьми да и взаправду удавись. Тутъ-то я очень, понятно, жалѣла, что не пошла, а тогда не до него было. У самой въ домѣ скандалъ по скандалу пошелъ.

Двѣ горницы въ домѣ я подъ квартиру сдала, одну нашъ постовой городской снялъ, отличный, серьезный, порядочный человекъ, Чайкинъ по фамиліи, въ другую барышня проститутка переѣхала. Свѣтло-

русовая такая, молоденькая, и съ лица ничего, красивая. Звали Ѳеней. Ѳздила къ ней подрядчикъ Холинъ, она у него на содержаньи была, ну, я и пустила, понадѣялась на это. А тутъ, глядь, вышла промежъ нихъ разстройка какая-то, онѣ ее и бросилъ. Что тутъ дѣлать? Платить ей нечѣмъ, а прогнать нельзя—восемь рублей задолжала.

— Надо, говорю, барышня, съ вольныхъ добывать, у меня не страннопріимный домъ.

— Я, говорить, постараюсь.

— Да вотъ, молъ, что-й-то не видно вашего старанья. Вмѣсто того, чтобъ стараться, вы каждый вечеръ дома да дома. На Чайкина, говорю, нечего надѣяться.

— Я постараюсь, мнѣ даже совѣстно слушать васъ.

— А—ахъ, говорю, скажите пожалуйста, совѣсть какая!

Постараюсь-постараюсь, а старанья, правда, никакого. Стала было округъ Чайкина увиваться, да онѣ и глядѣть на нее не хотѣлъ. Потомъ, вижу, за моего принялась. Гляну, гляну—все онѣ возлѣ ней. Затѣялъ вдругъ новый пинжакъ шить.

— Ну, нѣтъ, говорю, перегодишь! Я тебя и такъ одѣваю барчуку хорошему

впору,—что сапожки, что картузикъ. Сама, молъ, во всемъ себѣ отказывала, каждую копейку орломъ ставила, а тебя снабжала.

— Я, говорить, хорошъ собою.

— Да шальной,—что жъ мнѣ на красоту твою домъ, что ль, продать?

Замѣчаю, пошла торговля моя хуже. Недочеты, ущербы пошли. Сяду чай пить—и чай не милъ. Стала слѣдить. Сижу въ кабаки, а сама все слушаю,—прислонюсь къ стѣнкѣ, затаюсь и слушаю. Нынче, слышу, гудятъ, завтра гудятъ... Стала выговаривать.

— Да вамъ-то, говорить, что за дѣло? Можетъ, я на ней жениться хочу.

— Вотъ тебѣ разъ, матери родной дѣла нѣту! Замыселъ твой, говорю, давно вижу, только не бывать тому во вѣки вѣковъ.

— Она безъ ума меня любить, вы не можете ее понимать, она нѣжная, застѣнчивая.

— Любви хорошая, говорю, отъ поганки ото всякой распутной! Она тебя, дурака, на смѣхъ подымаетъ. У ней, говорю, дурная, всѣ ноги въ ранахъ.

Онъ было и окаменѣлъ: глядитъ себѣ въ переносицу и молчитъ. Ну, думаю, сла-

ва тебѣ, Господи, попала по нужному мѣсту. А все-таки до-смерти испугалась: значить, видимое дѣло, врѣзался, голубчикъ. Надо, значить, думаю, какъ ни мога, поскорѣй ее добивать. Совѣтуюсь съ кумомъ, съ Чайкинымъ. Надоумьте, молъ: что намъ съ ними дѣлать? Да что жъ, говорятъ, понятно, прихватить надо и вышвырнуть ее, вотъ и вся недолга. И такую исторію придумали. Прикинулась я, что въ гости иду. Ушла, походила сколько-нибудь по улицамъ, а къ шести часамъ, когда, значить, смѣна Чайкину, тихимъ манеромъ—домой. Подбѣгаю, толкъ въ дверь—такъ и есть: заперто. Стучу—молчатъ. Я въ другой, третій—опять никого. А Чайкинъ ужъ за угломъ стоитъ. Зачала я въ окна колотить—альни стекла зудятъ. Вдругъ задвижка—стукъ: Ванька! Бѣлый, какъ мѣлъ. Я его въ плечо со всей силы—и прямо въ горницу. А тамъ ужъ чистый пиръ какой: бутылки пивныя пустыя, вино столовое, слабое, сардинки, селедка большая очищенная, какъ янтарь розовая,—все изъ лавки. Оенька на стулѣ сидитъ, въ косѣ лента голубая. Увидала меня, привскочила, глядитъ во всѣ глаза: а у самой ажъ губы посинѣли отъ страху. (Думала, бить ки-

нусь). А я и говорю этакъ просто, хоть и продохнуть едва могу:

— Что-й-то у васъ. говорю,—ай сговоръ? Ай именинникъ кто? Что жъ не при-вѣчаете. не угощаете?

Молчать.

— Что жъ, говорю, молчите? Что жъ молчишь, сынокъ? Такой-то ты хозяинъ-то, голубчикъ? Вотъ куда, выходить, денежки-то мои кровныя летятъ!

Онъ было и шерсть взбудоражилъ:

— Я и самъ въ лѣта взошелъ!

— Та-акъ, говорю, а мнѣ-то какъ же? Мнѣ, значить, отъ твоей милости съ сучкой съ этой курнушку снять? Изъ своего собственнаго дома выходить? Такъ, что ль? Прирѣла я, значить, змѣйку на свою шейку?

Какъ онъ на меня заоретъ!

— Вы не можете ее обижать! Вы сами молоды были, вы должны понимать, что такое любовь!

А Чайкинъ, услыхавши такой крикъ, и вотъ онъ: вскочилъ, ни слова не сказавши, сгрѣбъ Ваньку за плечи, да въ чуланъ, да на замокъ. (Человѣкъ ужасный сильный былъ, прямо гайдукъ!) Заперъ и говорить Ѳенькѣ:

— Вы барышней числитесь, а я васъ волчкомъ могу сдѣлать!

(Съ волчьимъ билетомъ, значить).

— Хотите вы, говорить, этого, ай нѣтъ?—Нонче же комнату намъ ослобонить, чтобъ и духу твоего здѣсь не пахло!

Она—въ слезы. А я еще поддала:

— Пусть, говорю, денежки мнѣ прежде приготовить! А то я ей и сундучишко послѣдній не отдамъ. Денежки готовы, а то на весь городъ ославлю!

Ну, и спровадила въ тотъ же вечеръ. Какъ сгоняла-то я ее, страсть какъ убивалась она. Плачетъ, захлебывается, даже волосы на себѣ деретъ. Понятно, и ея дѣло не сладко. Куда дѣться? Все состоянье, вся добыча при себѣ. Ну, однако съѣхала. Ваня тоже попричихъ-было на время. Вышелъ на утро изъ-подъ замка—и ни гу-гу: боится очень и совѣсть изобличаетъ. Принялся за дѣло. Я было и обрадовалась, успокоилась,—да не надолго. Стало опять изъ кассы улетать, стала шлюха эта мальчишку въ лавку подсылать, а онъ-то и печенымъ и варенымъ снаряжаетъ ее! То сахару навалить, то чаю, то табаку... Платокъ—платокъ, мыло—мыло,—что подъ руку попадетъ... Развѣ за нимъ углядишь? И винуо сталъ потягивать, да все злѣй да

злѣй. Наконецъ того, и совсѣмъ лавку забросилъ: дома и не живетъ, почестъ, только поѣсть придетъ, а тамъ и опять поминай какъ звали. Каждый вечеръ къ ней отправляется, бутылку подъ поддевку—и маршъ, а она, водка-то, ужъ дорогая стала. Я мечусь какъ угорѣлая—изъ кабака въ лавку, изъ лавки въ кабакъ—и ужъ слово боюсь ему сказать: совсѣмъ босякъ сталъ! Всегда красивый былъ, весь въ меня, лицомъ бѣлый, нѣжный, чистая барышня, глаза ясные, умные, изъ себя статный, широкій, волосы каштановые, выющіе... А тутъ морда одулась, волосы загустѣли, по воротнику лежатъ, глаза мутные, весь обтрепался, гнуться сталъ—и все молчитъ, въ переносицу себѣ смотреть.

— Вы меня не тревожьте теперь, говоритъ, я могу каторжныхъ дѣлать натворить.

А захмеляетъ, разслонявится, смѣется ничему, задумывается, на гармоніи «Невозвратное время» играетъ, и глаза слезами наливаются. Вижу, плохо мое дѣло, надо мнѣ поскорѣй замужъ. Сватаютъ мнѣ тутъ какъ разъ вдовца одного, тоже лавочника, изъ пригорода. Человѣкъ пожилой, а кредитный, состоятельный. Самый разъ, значитъ, то самое, чего и добивалась я. Раз-

знаю поскорѣе отъ вѣрныхъ людей все дошпенту объ его жизни—бѣды, вижу, никакой: надо рѣшаться, надо поскорѣе знакомство завести,—насъ другъ другу только въ церкви сваха передъ тѣмъ показала,—надо, значитъ, предлогъ найти, побывать другъ у друга, въ родѣ какъ смотрины сдѣлать. Приходитъ онъ сперва ко мнѣ, рекомендуетъ: «Лагутинъ, Николай Ивановичъ, лавочникъ». — «Очень пріятно, молъ». Вижу, совсѣмъ отличный человекъ, —ростомъ, правда, невеличекъ, сѣденькій весь, а пріятный такой, тихій, опрятный, политичный: видно, бережной, никому, говорить, гроша за всю жизнь не задолжалъ... Потомъ я къ нему со свахой будто подѣлу затѣялась. Пришли. Вижу, ренсковый погребъ и лавка со всѣмъ, что къ вину полагается: сало тамъ, ветчина, сардинки, селедки. Домикъ небольшой, а чистая люстра. На окнахъ гардинки, цвѣты, полъ чисто подметень, даромъ что холостой живетъ. На дворѣ тоже порядокъ. Три коровы, лошади двѣ. Одна матка, трехъ лѣтъ, пять сотъ, говоритъ, ужъ давали, да не отдалъ. Ну, я прямо залюбовалась на эту лошадь—до чего хороша! А онъ только тихонько посмѣивается, ходитъ, смѣнить впереди насъ, пальцами похрустываетъ.

еть и все рассказываетъ, какъ прескурантъ какой читаетъ: вотъ тутъ то то-то, тамъ то то-то... Значить, думаю, мудрить тутъ нечего, надо дѣло кончать...

Понятно, это я теперь-то такъ вкратцѣ рассказываю. а что я въ ту пору почувствовала—одна моя думка знаетъ! Ногъ подъ собой отъ радости не чую,—молъ, таки добилась своего, нашла свою партію! —а молчу, боюсь, дрожу вся: а ну-ка разстроится вся моя надежда? Да такъ оно едва и не случилось, чуть-чуть не пропали задаромъ всѣ мои хлопоты, а изъ-за чего, даже теперь невозможно покойно сказать: изъ-за убогаго этого, да изъ-за сыночка милаго! Мы такъ дѣло тихо, благородно вели. что ни котъ, ни кошка, думалось, не узнаетъ. Анъ, слышу, ужъ весь пригородъ знаетъ про наши съ Николай Ивановичемъ замыслы. дошелъ, понятно, слухъ и до Самохваловыхъ,—небось, сама же Полканиха и шепнула. А онъ, убогій-то, возьми, говорю, да и повѣсься! На вотъ, молъ, тебѣ,—грозишь, не вѣрила, такъ вотъ же я на зло тебѣ сдѣлаю! Вколотилъ гвоздикъ въ стѣну надъ кроватью, бечевку отъ сахарной головы приладилъ, захлестнулся и сполозъ съ кровати. Штука не хитрая, ума большого не надобно!

Стою разъ въ сумерки въ лавкѣ, прибираю кое что—вдругъ кто-й-то грохъ, грохъ въ ставню! Такъ у меня сердце и оборвалось. Выскочила на порогъ—Полканиха.

— Ты что?

— Никаноръ Матвѣичъ приказалъ долго жить!

Брякнула, повернулась—и домой. А я сгоряча-то не сообразилась,—меня прямо варомъ обварило со страху,—накинула шаль, да за ней. Она бѣжитъ, подолъ подхватила наперед, спотыкается, гнется—и я бѣгу... Прямо страмъ на весь городъ! Бѣгу и не понимаю ничего. Одно думаю—пропала моя головушка! Шутка ли, что натворилъ, не тѣмъ Богъ помяни! До чего, думаю, совѣсти въ людяхъ нѣту! Подбѣгаю, а тамъ ужъ народу какъ на пожарѣ. Парадный—настежь, кто хочетъ, тотъ и лѣзетъ,—всѣмъ, понятно, любопытно. Я было сдуру-то себѣ туда же. Да спасибо, какъ по головѣ меня кто огрѣлъ: опомнилась, повернула—да назадъ. Тѣмъ, можетъ, и спаслась, а то бы узнала чижа паленаго. Вспомнилъ-бы кто нибудь,—да хоть та же Полканиха со зла,—вотъ, молъ, ваше благородіе, на кого мы думаемъ, кто всему причиной, извольте ее спросить,—и готова. Поди потомъ, вывертывайся. Человѣкъ-

то, бываетъ, ни сномъ ни духомъ, а его за хвостъ да въ мѣшокъ... Не первый случай!

Ну, похоронили его—у меня и отлегло отъ сердца. Готовлюсь къ свадьбѣ, дѣло свое спѣшу прикончить, распродать, что можно, безъ убытку—вдругъ опять бѣда-горе. И такъ съ ногъ сбилась въ хлопотахъ, спеклась вся отъ жары,—жара въ тотъ годъ прямо непереносная стояла, да съ пылью, съ вѣтромъ горячимъ, особливо у насъ, на Глухой улицѣ, на косогорахъ-то этихъ,—вдругъ еще новость: Николай Иванычъ обидѣлся. Присылаетъ сваху эту самую нашу, какая насъ сводила-то,—лютая псовка была, небось, сама-же, востроглазая, и настрочила его. Николай-то Иваныча—передаетъ черезъ нее Николай Иванычъ, что свадьбу онъ до перваго сентября откладаетъ—дѣла будто есть—и объ сыну, объ Ванѣ, наказываетъ: чтобы, значить, я объ немъ получше подумала, опредѣлила его куда ни на есть, потому какъ, говоритъ, въ домъ я его къ себѣ ни за какія благи не приму. Хоть онъ, говоритъ, и сынъ твоей родной, а онъ насъ въ чистую разоритъ и меня будетъ беспокоить. (И его-то, правда, положеніе! Какъ онъ никогда никакого шуму не зналъ, ника-

кихъ скандаловъ не подымалъ, понятно, боялся волноваться: какъ разволнуется, у него всегда все въ головѣ мѣшается, слова не можетъ сказать). Пускай, говоритъ, она его съ рукъ сбываетъ. А куда мнѣ его опредѣлять, куда сбывать? Малый совсѣмъ отъ рукъ отбился, въ чужихъ людяхъ, думаю, и совсѣмъ голову свернетъ, а сбывать—не миновать. Я и сама-то съ нимъ на нѣтъ сошла съ самыхъ съ этихъ поръ, какъ ознакомился онъ съ Оенькой: прямо околдовала, сука! День дрыхнетъ, ночь пьянствуетъ,—ночь за день сходить... Что я горя вытерпѣла съ нимъ за это лѣто—сказать невозможно! До того добилъ—стала какъ свѣчка таять, ложки держать не могу, руки трясутся. Какъ стемняетъ, сяду на скамейку передъ домомъ и жду, пока съ улицы вернется, боюсь, ребята слободскіе умолятъ.

Ну, получивши такое рѣшеніе отъ Николая Иваныча, призываю его къ себѣ: такъ и такъ, молъ, сынокъ,—терпѣла я тебя долго, ну, а ты совсѣмъ ослабъ и заблудился, на всю округу меня ославилъ. Привыкъ ты нѣжиться и блаженствовать, наконецъ того совсѣмъ босякъ, пьяница сталъ. Такого дарованія, какъ я, ты не имѣешь, сколько разъ я падала, да опять

подымалась, а ты ничего нажить себѣ не можешь. Я вотъ и почету себѣ добилась, и недвижимое имущество у меня есть, и ѣмъ. пью не хуже людей, душу свою не морю, а все оттого, что всѣмъ мой хрипъ споконъ вѣку завѣдовалъ. Ну, а ты, какъ былъ моталь, такъ, видно, и хочешь остаться. Пора тебѣ съ шеи моей слѣзть...

Сидить, молчить, клеенку на столѣ ковырять. Только и вызвала, что пообѣдать, а то все спалъ, морда вся затекла.

— Что жъ ты, спрашиваю, молчишь? Ты клеенку-то не дери,—наживи прежде свою,—ты отвѣчай мнѣ.

Опять молчить, голову гнетъ и губами дрожить.

— Вы, говорить, замужъ выходите?

— Это, молъ, выду ли, нѣтъ ли, неизвѣстно, а и выду, такъ за хорошаго человека, какой тебя въ домъ не пустить. Я, братъ, не Оенька твоя, не шлюха какая-нибудь.

Какъ онъ вскочитъ вдругъ съ мѣста да какъ затрясется весь:

— Да вы, говорить, ногтя ея не стоите!

Хорошо, ай нѣтъ? Вскочилъ, заоралъ не своимъ голосомъ. дверью грохнулъ—и былъ таковъ. А я, ужъ на что не плаксива была, такъ слезами и задалась. Плачу

день, плачу другой,—какъ подумаю, какія слова онъ могъ мнѣ сказать, такъ и заляюсь. Плачу и одно въ умѣ держу—довѣку не прощу ему такой обиды, со двора долой сгоню... А его все нѣту. Слышу—у своей пируетъ, танцы, плясъ, пропиваетъ наворованныя денежки и мнѣ грозитъ: я ее, говоритъ, все равно успокою, выжду, какъ пойдетъ куда-нибудь вечеромъ, камнемъ убью. Присылаетъ,—на смѣхъ мнѣ, понятно,—въ лавку за покупками, беретъ то жамокъ, то селедокъ. Я прямо трясусь отъ обиды, а крѣплюсь, отпускаю. Сижу разъ въ лавкѣ—вдругъ самъ всходитъ. Пьянъ—лица нѣту. Вноситъ селедки,—утромъ дѣвчонка приходила, купила, на его понятно, деньги, четыре штуки,—и какъ шваркнетъ ихъ на прилавокъ!

— Можете вы, кричить, присылать такую скверность покупателямъ? Онѣ вонючія, ихъ собакамъ только ѣсть!

Оретъ, ноздри раздуваетъ — предлогъ ищетъ.

— Ты, говорю, тутъ не буйся и не ори, сама я селедокъ не работаю, а боченками покупаю. Не нравится—не жри, вотъ тебѣ твои деньги.

— А если бы я ихъ съѣлъ да померъ?

— Опять же, говорю, ты, свинья, не

можешь тутъ кричать.—какой такой ты мнѣ командиръ? Авось чинъ не великъ имѣешь. Ты честью долженъ сказать, а не нахрапомъ лѣзть въ чужое помѣщеніе.

А онъ схватилъ вдругъ безменъ съ ларя и этакъ шипомъ:

— Какъ жмакну тебя, говоритъ, сейчасъ по головѣ, такъ ты и протянешься!

И со всѣхъ ногъ вонъ изъ лавки. А я какъ сѣла на полъ, такъ и подняться не могу...

Потомъ слышу—уработали его, наказалъ Господь за мать! Еле живого на извозчикъ привезли—пьянъ безъ памяти, голова мотается, волосы отъ крови слиплись, всѣ съ пылью перебиты, сапоги, часы сняли, новый пинжакъ весь въ клокахъ—хоть бы гдѣ орѣхъ цѣлаго сукна остался.. Я подумала, подумала—принять его приняла и даже за извозчика заплатила, но только въ тотъ же день посылаю Николай Иванычу поклонъ и твердо наказываю сказать, чтобъ онъ больше ничего не беспокоился: съ сыномъ, молъ, я порѣшила,—прогону его безо всякой жалости прямо же, какъ проспится. Отвѣчаетъ тоже поклономъ и ведить сказать: очень, говорить, умно и разумно, благодарю и сочув-

ствую... А черезъ двѣ недѣли и свадьбу назначилъ. Да..

Ну, да будетъ пока, тутъ и сказкѣ моей конецъ. Больше-то, почестъ, и рассказывать нечего. Съ этимъ мужемъ до того я ладно вѣкъ свѣковала,—прямо рѣдкость по нонѣшнему времени. Что я, говорю, прочувствовала, какъ этого рая добивалась—сказать невозможно! Ну, и наградилъ меня, правда, Господь,—вотъ двадцать первый годъ живу какъ за каменной стѣной за своимъ старичкомъ и ужъ знаю—онъ меня въ обиду не дастъ: онъ вѣдь это съ виду только тихій! А, понятно, нѣтъ-нѣтъ, да и занеетъ сердце. Особливо Великимъ постомъ отчего-й-то. Умерла бы теперь, думается,—хорошо, покойно, по всѣмъ церквамъ акаѣисты читаютъ.. Правда, наморилась я на своемъ вѣку—ухъ, и настойчива была Настасья Семеновна! Мнѣ бы, по моему уму, развѣ въ слободѣ сидѣть? Меня мужъ и то Скобелевымъ зоветъ... Опять же иной разъ и объ Ванѣ соскучусь. Двадцать лѣтъ ни слуху ни духу объ немъ. Можетъ, и померъ давно, да не знаю о томъ. Мнѣ даже жалко его стало, какъ привезли-то его тогда. Втащили мы его, взвалили на кровать—цѣльный день спалъ мертвымъ сномъ. Взойду, послу-

шаю дыханіе,—живъ ли, молъ... А въ горницѣ—вонь, кислотой какой-то, лежитъ онъ весь ободранный, изгвазданный, храпитъ и захлебывается... Страмъ и жалость смотрѣть, а вѣдь кровь моя родная! Погляжу, погляжу, послушаю и—выйду. И такая-то тоска меня взяла! Поужинала черезъ силу, прибрала со стола, огонь потушила... Не спится, да и только,—вся дрожу-лежу... А ночь видная, видная. Слышу, проснулся. Все кашляетъ, все выходитъ на дворъ, дверью хлопаетъ.

— Что это ты, спрашиваю, ходишь?

— Животъ, говоритъ, болить.

По голосу слышу—тревожится, тоскуетъ.

— Ты, говорю, выпей чернобыльнику съ водкой, вонъ тамъ, въ образничкѣ бутылка стоитъ.

Полежала еще, можетъ, и задремала немного, чувствую сквозь сонъ — прокрадается кто-й-то по половику. Вскочила—онъ.

— Мамаша, говоритъ, не пугайтесь меня за-ради Христа...

И какъ залетѣла въ три ручья. Сѣлъ на на постель, руки ловить, цѣлуетъ, слезами обливаетъ, а самъ даже захлебывается,—такъ плачетъ-рыдаетъ. Я не стерпѣла—и себѣ! Жалко, понятно, а дѣлать

нечего—изъ-за него вся моя судьба рѣшается. Да онъ и самъ, вижу, понимаетъ это хорошо.

— Простить я тебя, говорю, могу, а подѣлать, ты самъ видишь, теперь ужъ ничего нельзя. И уходи ты куда нибудь подальше, чтобъ я не слыхала про тебя!

— Мамаша, говоритъ, за что вы меня, не хуже сидяки этого, Никаноръ Матвѣича, погубили?

Ну, вижу, человѣкъ еще не въ своемъ умѣ, стала и спорить. Поплакалъ, поплакалъ, поднялся и ушелъ. А на утро глянула я въ горницу, гдѣ онъ спалъ, а его ужъ и слѣдъ простылъ. Ушелъ, значить, пораньше отъ страму—и какъ въ воду канулъ. Былъ слухъ, жилъ будто въ Задонскѣ при монастырѣ, потомъ на Царицынъ подался, а тамъ, небось, и голову сломилъ... Да что объ томъ толковать—только сердце свое тревожить! Воду варить—вода будетъ...

А что онъ про Никаноръ Матвѣича сказалъ, такъ я даже глупо это считаю. Авось не великими деньгами покорыстовалась, не изъ кармана вытащила. Онъ самъ свое убожество понималъ, самъ скучалъ часто. Бывало, скажетъ мнѣ:

— И калѣкой меня, Настя, судьба моя сдѣлала, и характеръ у меня сумасходный:

то мнѣ весело чаго-й-то, какъ передъ бѣдой какой, то такая тоска, особливо лѣтомъ, въ жару, въ пыль эту,—просто руки на себя наложилъ бы! Помру я, похоронятъ меня на Чернослободскомъ кладбищѣ—цѣлый вѣкъ будетъ эта пыль летѣть на мою могилку черезъ ограду!

— Да что жъ, молъ, Никаноръ Матвѣичъ, объ этомъ убиваться? Мы этого чуютъ не будемъ.

— Да это, говорить, что жъ что чуютъ не будемъ,—бѣда та, что при жизни о томъ думаешь...

А, правда, скука, бывало, у насъ въ домѣ, у Самохваловыхъ-то, какъ всѣ позаснутъ послѣ обѣда, а вѣтеръ несетъ эту пыль! И руки-то онъ наложилъ на себя въ страшную жару, въ самое глухое время. Городъ у насъ, правда, скучный. Я вонъ была недавно въ Тулѣ: какое же сравненіе!

Южная Универсальная библіотека.

Вышли изъ печати и поступили въ продажу:

1. Ив. А. Бунинъ—Смерть Моисея
- 2—3. Семенъ Юшкевичъ—Улица.
4. Гр. Ал. Н. Толстой—Приключенія Растигина.
5. А. Кипенъ—Почетный гость.
6. Рабиндранатъ Тагоръ, подъ редакціей Ив. Бунина—Гитанджали.
7. Р. Киплингъ—Дверь ста печалей
8. Мопассанъ—Пышка. М-лль Фифи.
9. Мопассанъ—Иветта.
10. Г. Уэльсъ—Разказы.
- 11—12. Кнутъ Гамсунъ—Викторія.
13. Р. Киплингъ—Призрачная коляска.
- 14—15. Г. Уэльсъ—Машина времени.
16. П. Нилусъ—Дуня
17. Джованни Папини—Сперанца.
- 18—19. У. Локкъ—Похожденія Пюжоля.
20. Бласко Ибаньесъ—Луна Бенаморъ.
- 21—22. Александръ Дроздовъ—Пощечина.
- 23—24. Клодъ Фарреръ—Человѣкъ, который убилъ.

25. Борисъ Лазаревскій — Душа женщины.
26. Рабиндранатъ Тагоръ — Король темнаго
покоя.
27—28. Уильямъ Локкъ — Надъ голубымъ
озеромъ.
29. Джекъ Лондонъ — Багровый моръ.
30. Борисъ Лазаревскій — Корнетъ.
31. Борисъ Розенблюмъ — Дневникъ Макси-
миліана Клингзора.
32. Бласко Ибаньесъ — Осужденная.
33. Георгій Гребенщиковъ — Любава.
34. Н. Осиповичъ — Старая исторія.
35. С. Елпатьевскій — Спирька.
36—37. Семень Юшкевичъ — Ита Гайне.
38. Тэффи — Ничего подобнаго.
39—40. Уильямъ Локкъ — Политика и Любовь.
41—43. Анатоль Франсъ — Возстаніе
ангеловъ.
44—46. А. Яблоновскій — Гимназисты.
47. К. Треневъ — На ярмаркѣ.
48. А. Федоровъ — Петля.
49. К. Мандесъ — Маркизь де-Віанъ.
50. Ив. А. Бунинъ — Ночной разговоръ.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
Одесса, Екатерининская 60.

1953